

АРНАЛЬД
ИНДРИДАСОН

ДЕВОЧКА
У МОСТА

ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ
АВТОРОВ СОВРЕМЕННОГО
ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА.
SUNDAY TIMES

18+

Арнальд Индридасон

Девочка у моста

Серия «Детектив Конрауд», книга 2

Серия «Триллер по-скандинавски»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69543145

Девочка у моста: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-148631-0

Аннотация

Конрауд, полицейский в отставке, невольно оказывается втянутым в старые нераскрытые дела об убийствах, когда с ним связывается пожилая пара по поводу исчезновения внучки Данни.

Тем временем Конрауд расследует дело своего отца, убитого при загадочных обстоятельствах. Он вступает в контакт с дочерью близкого друга отца, Эйглоу, которая оказывается медиумом. Ее преследуют видения маленькой девочки Нанны, утонувшей в озере Тьеднин несколько десятилетий назад.

Конрауд заинтересовывается судьбами девочек, и именно во время поисков Данни он понимает, что между их смертями есть странная связь. Копаясь в прошлом, он раскрывает все больше секретов, которые и не ожидал обнаружить...

Но готов ли он столкнуться с шокирующей тайной, которая много лет не давала ему самому покоя?

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	19
5	27
6	33
7	41
8	47
9	52
10	61
11	67
12	74
13	82
14	89
15	99
16	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Арнальд Индридасон

Девочка у моста

© Arnaldur Indridason, 2018

© Грушевский В., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Это произведение – художественный вымысел автора. Имена, персонажи и события целиком и полностью являются плодом его воображения.

*Веришь ли ты в ангелов,
что скитаются в каменных джунглях,
кружась по улицам и площадям?..
Бюбби Мортенс¹*

¹ Бюбби Мортенс – исландский автор-исполнитель (здесь и далее примечания переводчика).

Молодой человек шел на запад по улице Скотхусвегюр. На мосту через озеро Тьёднин он остановился и, заметив в воде куклу, облокотился на перила.

Мост выгнулся изящной аркой там, где, сужаясь, озеро вытягивалось к парку Хлёумскаулагардюр, что раскинулся на его южном берегу. Молодой человек стоял на самой высокой точке моста. Уже спустился вечер, так что прохожих почти не было. Одна-единственная машина, пересекая мост, несколько замедлила ход, а потом издала разорвавший тишину рык и скрылась в темноте. Еще ему показалось, что кто-то двигается вдоль улицы Соулейяргата, а потом мимо него, не поднимая головы, проскользнула фигура в плаще и шляпе. Опершись локтями на парапет, мужчина посмотрел в сторону ресторана «Идноу» и центра Рейкьявика, а затем перевел взгляд дальше – туда, где в сумерках вздымалась к небу гора Эсья², величественная и неколебимая. Над ней, словно в сказке о тридевятом царстве, сияла луна. Когда он опустил глаза, его взору вновь предстала покачивающаяся на поверхности воды кукла.

Был в этой сцене некий лиризм, пробудивший в поэте, каковым молодой человек и являлся, самые разнообразные

² Эсья – гора, расположенная примерно в 10 км к северу от Рейкьявика. Высота над уровнем моря – 909 м.

мысли. Он достал из кармана куртки блокнот и авторучку, которые всегда были при нем в его одиноких прогулках, и стал записывать фразы о потерянной невинности, мимолетности детства и о воде, которая порождает жизнь, но обладала и разрушительной силой. На обложке блокнота в кожаном переплете красовалось позолоченное теснение – цифры 1961, а его страницы содержали размышления молодого человека, который медленно, но неотступно продвигался вперед по своей литературной стезе. В его активе уже были стихотворные произведения, которые он, однако, пока не решился представить на суд издателей. Больше всего он боялся, что его творчество подвергнут жесткой критике, или даже отвергнут, а поэтому старался довести до совершенства каждое четверостишие, как, например, сейчас, когда у него рождались новые строчки о скоротечности бытия.

Он подумал, что это наверняка какая-нибудь девочка, переходя через Тъеднин по мосту, уронила куклу в воду и не смогла ее оттуда достать. Это соображение молодой человек тоже занес в свой блокнот, пытаясь облечь в слова вечернее безмолвие и огни города, что отражались в водной глади. Он перевел взгляд на островок посередине озера, который по весне захватывали крачки. Теперь птицы молчали, как и ночь, что накрыла город своей вуалью, – именно это предложение он и записал в свой блокнот. Затем он перечеркнул слово «ночь», заменив его на «сумрак». А потом вычеркнул и его и нарисовал какие-то каракули над словом «вуаль».

Снова написав «ночь», он попробовал вместо фразы «накрыла город своей вуалью» вставить «разбила над городом свой шатер», но констатировал, что и так тоже не пойдет.

Засунув ручку и блокнот обратно в карман куртки, мужчина собрался было продолжить свой путь, но тут ему в голову пришла мысль достать куклу из воды и положить ее у парапета, на случай если девочка вернется сюда в поисках любимой игрушки. Спустившись к берегу, он сделал попытку дотянуться до куклы, но у него ничего не вышло, поскольку она оказалась слишком уж далеко. Тогда молодой человек снова прошелся вверх по улице, оглядываясь по сторонам и пытаясь обнаружить какое-нибудь приспособление – палку или прут – чтобы подцепить им куклу, но ничего подходящего для этой цели не увидел.

Оставив свое намерение, он направился вдоль Скотхусвегюр в сторону кладбища Хоулаветлир. Именно в окружении крестов и эпитафий он нередко находил вдохновение для творчества. Пройдя несколько шагов, мужчина заметил у себя под ногами как раз то, что ему требовалось, – корягу, подняв которую, он вернулся к мосту и опять спустился на берег. Ему удалось зацепить куклу корягой, но притянуть ее к кромке воды никак не получалось. Молодой человек снова и снова пробовал поддеть игрушку изогнутым концом импровизированного гарпуна, но ни одна попытка не увенчалась успехом. Когда он в очередной раз собирался отказаться от своей идеи, кукла наконец тронулась с места, однако вопре-

ки ожиданиям лишь отплыла еще дальше под мост. Поглядев на нее с пару мгновений, молодой человек стремительно взбежал на дорогу, пересек ее и опять спустился к озеру на противоположном берегу. Кукла как раз проплывала мимо, и он не замедлил выхватить ее из воды.

На выдавшей виды игрушке было потрепанное платьице, глаза ее могли закрываться и открываться, а губы были разомкнуты. Он нажал ей на живот, и кукла издала негромкий звук, имитирующий плач. Шевелюра у нее была спутанная, а кое-где наблюдались проплешины на месте бывших там некогда прядей волос. Молодой человек снова нажал ей на живот, и из кукольных глаз покатались струйки воды, словно игрушка вдруг дала волю слезам.

Он стоял неподвижно, направив взгляд на южную кромку озера, и только тут заметил, что у самой поверхности воды плавает еще какой-то предмет. В первый момент он подумал, что это обман зрения, но присмотревшись получше, тотчас отбросил куклу и прыгнул в озеро. Вода доходила ему до подмышек и, преодолевая ее сопротивление и не чувствуя холода, он устремился по дну водоема к предмету, который привлек его внимание. Всего через несколько секунд он оказался с ним рядом, и, вцепившись в него руками, рывком поднял из воды. Его подозрения оправдались.

В состоянии глубокого шока молодой человек выбрался на сушу и лишь тогда окончательно осознал, что обнаружил в Тъёднине тело девочки, которая упала в озеро и утонула.

Сама не зная почему, Эйглоу чувствовала себя на дне рождения не в своей тарелке. В двухэтажном особняке собралась целая куча детей и взрослых – среди них все без исключения одноклассницы, которым было по двенадцать лет, и даже три одноклассника, хотя мальчиков на девчачьи дни рождения обычно не приглашали. Энергичные кузины именинницы выступали в роли массовиков-затейников, руководя детьми, играющими во все мыслимые игры: от лото до прятков и догонялок в огромном саду. От изобилия угощений разбегались глаза: газировка, попкорн, пирожные и конфеты – ешь сколько влезет! А еще у родителей виновницы торжества имелся проектор и пленки с американскими мультиками, так что и в зрелищах недостатка не было.

Казалось бы, всего этого должно хватить, чтобы и Эйглоу веселилась вместе со всеми, но что-то ее сдерживало – возможно, сама атмосфера. Раньше бывать в таких богатых домах ей не приходилось, и она с трудом могла оторвать взгляд от всей этой роскоши. На стенах были развешаны огромных размеров картины, а в углу гостиной сиял своими изгибами черный рояль. Вся обстановка выглядела новой – казалось даже, что белые кресла и диван только-только привезли из магазина и на них еще никто не успел посидеть. Ворс расстеленного на полу белоснежного ковра был таким густым и

пушистым, что ноги Эйглоу буквально в нем утопали. В доме также имелся телевизор с выпуклым экраном и кнопками, о назначении которых можно было только догадываться. Никогда раньше такого аппарата Эйглоу не видела и из любопытства провела рукой по выпуклому стеклу, когда в дверях появился хозяин дома и с улыбкой попросил ее этого не делать, чтобы не заляпать пальцами экран. Девочка находилась в гостиной одна – там никаких игр не устраивали.

Она подумала о своей маленькой и темной квартирке в цокольном этаже, где в кухне из крана вечно капала вода, а окошко находилось так высоко, что если хотелось поглядеть из него на улицу, приходилось забираться на стул. Там и в помине не было никакого ворсистого ковра, а лишь потертый половик. Мама Эйглоу с утра до ночи работала на рыбокомбинате, и на столе у них кроме рыбы редко что появлялось. Чем занимается папа, она так до конца и не понимала – знала только, что он зачастую выпивает, а мама его за это стыдит. Эйглоу было жаль, что так происходит, потому что папа у нее был добрый и, несмотря ни на что, они с мамой любили друг друга. Дочку он никогда не обижал, помогал ей с уроками и читал сказки – правда, потом мог сутками не появляться дома, а мама не находила себе места, потому что понятия не имела, куда он запропастился.

Именинница, которой в тот день исполнилось двенадцать лет, ее закадычной подружкой не была, так что Эйглоу оказалась на этом празднике только потому, что пригласили всех

девочек из класса. Честно говоря, она попала в этот класс каким-то чудом, поскольку в нем учились только дети из обеспеченных семей, а таких малоимущих, как Эйглоу, обычно распределяли в классы уровнем пониже. Однако учительница довольно скоро обратила внимание на способную девочку и позаботилась о том, чтобы ее перевели в самый лучший класс, где больше времени уделялось именно обучению, а не наведению дисциплины. Ребята приняли Эйглоу хорошо, за исключением двух мальчишек, которые, соорудив кислые физиономии, поинтересовались, чем это так провоняла ее одежда. Она ответила, что, видимо, плесенью, которая есть у нее дома.

Похоже, и правда в этом великолепии она чувствовала себя не совсем комфортно. Пока остальные были увлечены играми, Эйглоу в одиночестве исследовала особняк, переходя из комнаты в комнату, из кухни в ванную, и восхищаясь всем, что видит. Вообще-то, мама посоветовала ей как следует повеселиться и не отлынивать от игр со своими одноклассниками. Эйглоу знала, что мама беспокоится из-за того, что она слишком уж нелюдимая и больше любит проводить время в одиночестве. По маминому мнению, Эйглоу унаследовала эту черту от папы. Но, по правде говоря, друзей у девочки было вполне достаточно. Будучи смышленнее, чем многие сверстники, Эйглоу нашла правильный подход к своим новоиспеченным одноклассникам, и те, видя, как с ней интересно, стремились к общению гораздо больше, чем

она сама.

Обойдя весь дом, Эйглоу вернулась в шикарную гостиную с пушистым ковром и белоснежной мебелью, где обнаружила девочку, которую до этого не замечала среди других приглашенных. На вид она была ровесницей Эйглоу, а ее одежда выглядела даже скромнее, чем у Эйглоу, не говоря уже о других ребятах.

– Привет, – поздоровалась Эйглоу, краем глаза заметив свое отражение в выпуклом экране телевизора.

Девочка казалась расстроенной – будто у нее случилась какая-то неприятность. На ней было поношенное платье, гольфы и летние туфельки с пряжками.

– Все в порядке? – спросила Эйглоу.

Девочка молчала.

– Как тебя зовут? – задала новый вопрос Эйглоу.

– Я ее потеряла, – едва слышно пробормотала девочка и двинулась навстречу Эйглоу. Проскользнув мимо нее, она выпорхнула из гостиной. Проводя девочку взглядом, Эйглоу опустила глаза на ковер и в этот момент осознала одну вещь, которую ей было уже не забыть еще и потому, что вся окружающая обстановка была настолько новой и безукоризненной: когда девочка проходила мимо телевизора, в его экране не отразилось ее лицо, а на ворсистом ковре она не оставила ни одного следа, будто была абсолютно невесомой.

Выражение беспокойства на лицах супругов, которые излагали проблему, говорило красноречивее всех слов. Мобильный телефон мужчины звонил дважды, но ни в первый, ни во второй раз он не стал отвечать, а лишь посмотрел на высветившийся номер, не прерывая своего рассказа. Конрауд понимал их тревогу, но был совсем не уверен, что сможет им как-то помочь. С этой парой он был едва знаком, и все их предыдущее общение практически равнялось нулю. Его жена Эртна когда-то приятельствовала с женщиной, но сам Конрауд в их отношения вовлечен не был. И тут ему совершенно неожиданно звонит ее муж и интересуется, не может ли Конрауд с ними встретиться. Выяснилось, что их внучка уже не раз доставляла супругам проблемы, и они подумали, что Конрауд, вероятно, посоветует, как им с ней поступить. Они знали, что, хотя Конрауд уже на пенсии, раньше он работал следователем, и были убеждены, что у него богатый опыт расследования дел, подобных тому, в котором оказалась замешанной их внучка, и о которых сами они не знали ровным счетом ничего. Конрауд испытывал большие сомнения по поводу того, стоит ли ему с ними встречаться, но в конце концов поддался на уговоры мужчины. Он помнил, с какой теплотой Эртна отзывалась о своей подруге, а также ее рассказ о том, что супругам пришлось самим воспитывать

внучку после того, как, будучи совсем молодой, в автоаварии погибла их дочь.

Они сразу заявили, что будут с ним предельно откровенны: причина, по которой они предпочли не обращаться в полицию, а связались напрямую с Конраудом, заключалась в боязни того, что о деле пронюхает пресса. В свое время женщина занимала важную политическую должность, и, хотя она уже давно оставила ее, супруги опасались, что если их проблема станет достоянием общественности, нечистоплотные СМИ не преминут представить ее в самом невыгодном для них свете. Не являлось секретом, что утечки информации со стороны полиции были нередки. Однако супруги попросили Конрауда понять их правильно: если он только посчитает, что им все-таки стоит обратиться в полицию, они это непременно сделают.

– Дело в том, – говорил мужчина, – что от внучки уже несколько дней ни слуху ни духу. То ли у нее телефон разрядился, то ли она вообще его где-то потеряла – не отвечает и все. Конечно, уже бывало, что мы не могли до нее дозвониться, но чтобы так долго – это впервые. Ну если не считать, что...

– Мы тут недавно узнали, что она стала... наркокурьером. Так это, кажется, называется, – вступила в разговор женщина, бросив взгляд на своего мужа. – На таможне – ну или где-то еще – ее не задерживали.

По ее словам, она совершила только одну поездку для

неких людей, чьи имена нам называть не захотела. Хотя, возможно, она и лжет. Мы больше не доверяем ни одному ее слову. Ни единому. Хотя... это уже что-то новенькое... то, что она превратилась в наркокурьера, я имею в виду.

На лице женщины одновременно читались раздраженность и тревога за судьбу девушки. Возможно, в том, что жизнь последней шла наперекосяк, она винила саму себя. Вполне вероятно, политические баталии отнимали у нее столько времени, что ей было просто не до воспитания внучки, которая так и не заняла в ее сердце место безвременно ушедшей дочери.

– Вы полагаете, она выехала за границу? – спросил Конрауд.

– Вероятно, у нее был с собой паспорт, – кивнула женщина. – По крайней мере, в ее комнате мы его не нашли. Это как раз одна из тех вещей, которые, как нам хотелось бы, надо проверить, – если, конечно, у вас есть такая возможность. На наши запросы авиакомпаний не отвечают.

– Думаю, вам лучше обратиться в полицию, – сказал Конрауд. – Я...

– Мы уже не знаем, куда обращаться. Внучка сама не понимает, что творит, – а теперь, видите, еще и контрабандой наркотиков занялась. А если арестуют, не дай бог? Это же прямая дорога в тюрьму, – вздохнула женщина. – О ее зависимости нам известно. Сначала был алкоголь, а сейчас и того хуже. Упустили мы девочку – она стала неуправляемой.

Совершенно не управляемой.

– Она часто путешествует?

– Да нет, не особенно. Ездила куда-то на выходные со своим бойфрендом.

– Мы подумали, что у вас, возможно, получится с ним поговорить, – вмешался мужчина. – К нам он никогда не заходил, и мы даже ни разу его не видели, но предположили, что это, может, именно он ее и использует.

– Ваша внучка давно встречается с тем человеком?

– Нам о нем стало известно несколько месяцев назад, – ответила женщина.

– Так она до сих пор живет с вами? – задал следующий вопрос Конрауд.

– Теоретически да, – кивнула женщина, доставая фотографию девушки и протягивая ее Конрауду. – Мы сможем заплатить вам, если вы возьмете на себя труд помочь нам. Так ужасно сознавать, что внучка связалась с каким-то наркоманом, а мы не в состоянии хоть как-нибудь на нее повлиять. Разумеется, она сама себе хозяйка – ей уже двадцать лет, так что мы теперь для нее не авторитет, но все же...

– Даже если удастся ее обнаружить, ей ведь ничто не помешает исчезнуть вновь, – произнес Конрауд, разглядывая фотографию.

– Это понятно, но мы пытаемся... мы хотим знать, все ли с ней в порядке. И в наших ли силах хоть что-то сделать для нее.

Конрауд прекрасно понимал обуревающие этих людей чувства. В его бытность полицейским ему приходилось общаться с родителями, которые, оказавшись в подобной ситуации, прилагали все мыслимые усилия, чтобы исправить ее, но лишь беспомощно наблюдали за тем, как их ребенок погружается на самое дно алкогольной и наркотической зависимости. Это оказывалось тяжелейшим бременем для многих семей, которые в результате постоянных неудач, признавали себя побежденными. Но бывали и исключения – кое-кому все же удавалось вытащить свое чадо из дурной компании и наставить его на путь истинный.

– Значит, она вам сама подтвердила, что ввозила в страну наркотики? – поинтересовался Конрауд, сунув фотографию девушки себе в карман.

– Ей даже не пришлось этого делать, – ответил мужчина.

– Поэтому мы так и волнуемся, – вставила его жена. – Возможно, внучка попала в западню, из которой ей теперь не выбраться.

С отчаянием поглядев на Конрауда, она продолжила:

– Я застала ее в туалете – три дня тому назад. Она как раз вернулась из Дании и, видимо, пребывала в какой-то прострации, поскольку не заперлась на ключ. Я без всякой задней мысли открыла дверь и чуть в обморок не упала – она сидела на унитазе и... опорожнялась... выдавливала из себя полиэтиленовые кулечки, которые... были спрятаны у нее в промежности. Это было ужасное зрелище... просто ужасное.

– С тех пор мы ее больше не видели, – заключил ее муж.

Каждый раз проезжая по трассе Сайбройт, Конрауд невольно бросал взгляд туда, где на улице Скулагата когда-то находилась Скотобойня Сюдюрланда с ее черными железными воротами. Для Конрауда это уже стало безусловным рефлексом сродни нервному тик, избавиться от которого не было никакой возможности. Теперь вдоль всей улицы выстроились высоченные жилые дома, которые громоздились чуть ли не один сверху другого у склона холма Скоулавёрдуюхольт и казались Конрауду просто безобразными. По его мнению, из-за новой застройки район Скюггак-верфи – этот освященный временем уголок Рейкьявика – утратил все свое былое очарование. Здесь вырос и сам Конрауд – задолго до того как градостроители заплотнили округу многоэтажками, и ему было больно наблюдать, какая незавидная участь постигла улицы его детства. Какими же надо быть недалекими, чтобы превратить некогда прекрасное место в самый уродливый квартал города?

Однако причина, по которой именно этот участок улицы неизменно притягивал его взгляд, заключалась не в огрехах городского планирования. У ворот Скотобойни в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году скончался его отец, после того как на него напал с ножом неизвестный. Чувство утраты стало особенно острым в последние полгода – после того как

Конрауд вышел на пенсию. Не так давно он опять сделал то, чего не делал уже много лет: пришел сюда, когда вечерело, и довольно долго простоял на этом самом месте, где, истекая кровью после двух смертельных ударов ножом, умирал его отец. Даже в полицейском отчете отмечалось, как много крови вытекло тогда на тротуар.

Конрауд оставил машину позади полицейского управления на Квервисгата и вошел в здание, чтобы нанести визит своему знакомому из отдела по контролю за оборотом наркотиков. Он рассказал ему об обеспокоенности супружеской пары за свою внучку, опустив подробности об извлечении полиэтиленовых кулечков из промежности. Супруги также сообщили Конрауду, что девушка называла своего бойфренда Ласси, но его полного имени и отчества³ она им так и не удосужилась сказать.

– Это мой парень и все, – отрезала она.

Так что ни где этого Ласси искать, ни чем он занимается, ни даже как его на самом деле зовут, им было неизвестно.

– Полное имя ее парня, видимо, Ларс или Лаурюс. Но она звала его Ласси, – объяснил Конрауд. – Я подумал, что он, вероятно, ваш старый знакомый. Саму ее зовут Даниэла, а для близких – Данни.

– А у тебя-то какой интерес к этим людям? – спросил полицейский. Он был среднего возраста, очень худой, с редень-

³ У большинства исландцев нет фамилий как таковых. Вместо них используются отчества.

кой, неухоженной бородой и волосами до плеч. Он являлся поклонником тяжелого рока и когда-то даже сам играл в группе.

– Они наши знакомые, – ответил Конрауд. – А эта девица – их внучка – сбежала из дома. По их словам, у нее наркозависимость. Вот они и попросили меня разобраться с этим делом.

– Значит, ты у нас теперь частный детектив?

– Что-то вроде того, – кивнул Конрауд – признаться, он ожидал подобного комментария. – Ну как, окажешь мне эту услугу?

Офисный стул скрипнул под полицейским, когда тот развернулся к компьютеру и в первую очередь забил в него имя Даниэлы, одновременно бормоча себе под нос, что он-де, вообще-то, не обязан этого делать и что это даже противозаконно. Конрауд подтвердил, что отдает себе в этом отчет, и еще раз поблагодарил своего бывшего коллегу за услугу. На экране никаких данных не появилось. Если бы девушка попадала в поле зрения отдела по контролю за оборотом наркотиков или таможенного управления, ее имя фигурировало бы в базе данных. А вот Ласси в ней оказалось целых три: одного из них звали Лаурюс, и он был примерно одного возраста с девушкой. На его счету имелись условные приговоры за кражу, а также реальный срок за контрабанду наркотиков.

– Если он все-таки ее бойфренд, то она явно связалась не с тем человеком, – изрек рокер-полицейский. – Этот парень

– прожженный преступник.

– Разберемся, – проговорил Конрауд, записывая себе полное имя Лаурюса. – Мне известно лишь одно: есть бабушка с дедушкой, которые очень тревожатся за свою внучку.

– Расскажешь мне потом, если обнаружишь что-нибудь стоящее? – спросил полицейский, хотя Конрауд знал, что он завален работой и скорее всего задал этот вопрос чисто формально.

– Разумеется, – ответил он, исключительно чтобы поддержать игру.

Конрауд действительно не собирался посвящать много времени случаю с девушкой, которая скорее всего никуда и не пропадала, а просто-напросто решила освободиться от излишней опеки своих родственников. Принимая во внимание эпизод в туалете, свидетелем которого стала ее бабушка, Даниэла погрязла в этом болоте уже слишком глубоко, так что шансы на то, что она исправится, вернувшись домой, были невелики. По сути, Конрауд позволил вовлечь себя в дела этой семьи лишь ради памяти Эртны – родственники Даниэлы являлись ее добрыми знакомыми. Для себя он решил, что если не отыщет девушку с первой попытки, то снова поговорит с ними и все-таки постарается их убедить обратиться в полицию, пусть даже это и станет пятном на репутации семьи. Как бы там ни было, Конрауд понимал, что оповестить соответствующие органы о случае контрабанды наркотиков ему все же придется.

Эти мысли роились у него в голове, когда он, подходя к ожидавшей его на парковке машине, столкнулся со своей старой приятельницей и коллегой. Марта, так ее звали, тут же налетела на него и поинтересовалась, каким ветром его занесло в управление. Она была самой бесцеремонной представительницей прекрасного пола среди знакомых Конрауда. Угловатая и бойкая на язык, Марта жила одна после неудачных попыток построить семью с разными женщинами, каждая из которых ее в конце концов бросала. Она начала работать в полиции под руководством Конрауда, и они быстро сдружились. Большого профессионала своего дела, чем Марта, Конрауд не знал.

– Привет, Марта, – поздоровался он. – Ты все такая же зажигалка.

– А ты разве не должен сейчас играть в гольф и вообще наслаждаться жизнью? Пришел послушать нытье Лео?

– А что с ним?

– Да душный он, как не знаю кто! У него на твой счет настоящий пунктик. Будто у вас какие-то разборки еще с тех времен, как вы вместе работали – при царе Горохе. Только от него ведь ничего конкретного не услышишь – одни сплошные намеки. А сам снова выпивать начал и думает, что никто этого не замечает. Страдалец, тоже мне!

– А он разве на лечился?

– Так это в прошлом году. Похоже, в его случае лечись, не лечись – все без толку. Ну а ты чем теперь занимаешься? На

стенку от скуки еще не лезешь?

– До этого, надеюсь, не дойдет, – ухмыльнулся Конрауд.

– А мне даже завидно, – сказала Марта на прощание. – Уж я-то как только закончу эту лямку тянуть, оторвусь по полной!

По губам Конрауда пробежала улыбка – он бог знает сколько раз слышал эти слова от Марты, но прекрасно понимал, что за ними ничего не стоит. Он и сам, бывало, говорил в шутку, что Марта никак не может наладить свою личную жизнь именно потому, что она уже давно замужем за полицией.

Теперь у Конрауда были адреса трех Ласси и, выезжая с парковки, он решил начать с того из них, который казался ему наиболее вероятным кандидатом на роль бойфренда Даниэлы. Звали его Лаурюс Хинрикссон, и он попал в поле зрения полиции еще подростком, занимаясь распространением наркотиков и совершая всякие мелкие правонарушения. За его плечами имелось несколько уголовных сроков разной продолжительности – в общем, преступником Лаурюс был со стажем. Жил он в районе Брейдхольт, и Конрауду, который ехал в сторону дома, это было по пути. Стояла поздняя осень, поэтому уже начало темнеть, а холодный ветер предвещал скорое наступление зимы.

Конрауд вышел из машины возле многоквартирного дома, в цокольном этаже которого сдавались комнаты. Согласно информации рокера-полицейского, именно там и снимал

жилье Лаурюс. Перед зданием тянулся ряд гаражей. Дверь в подъезд была заперта, и Конрауд нажал на одну из кнопок домофона. Однако ответа не последовало. Тогда он позвонил в другой звонок, но результат был таким же. Когда он нажал на третью кнопку, дверь наконец открылась, хотя из домофона не раздалось ни звука. Войдя в подъезд, Конрауд заметил ведущую в полуподвал лестницу и начал спускаться вниз. На площадку одного из верхних этажей вышел кто-то из жильцов, чтобы поинтересоваться, кто звонил в дверь. Конрауд замер и подождал, пока мужчина вернется в свою квартиру.

В темном коридоре цокольного этажа располагались кладовки жителей дома, а также две комнаты на съем.

Конрауд постучался в одну из них и прислушался, но не уловил ни звука. Подергав за ручку, он убедился, что дверь заперта. Прodelав те же действия с соседней дверью, он обнаружил, что она открыта. Зловонное помещение, в котором оказался Конрауд, скорее напоминало свалку, и едва переступив порог, он понял, что опоздал.

У стены располагалась загаженная раскладушка, а пол был завален объедками и другим мусором. Посреди всего этого «великолепия» лежала девушка в джинсах и футболке. На вид ей было не больше двадцати лет. Из сгиба локтя у нее торчал шприц. Присев рядом с девушкой, Конрауд попытался нащупать ее пульс, но смог лишь констатировать, что она мертва. Он предположил, что смерть наступила уже некото-

рое время назад. Девушка лежала на боку с закрытыми глазами, и вид у нее был умиротворенный, будто она спала.

Чертыхнувшись, Конрауд поднялся на ноги, достал из кармана фотографию и только взглянул на нее, как сомнения рассеялись: на полу лежала та самая девушка, за судьбу которой опасались пожилые супруги. Тишину разорвал его мобильник. На экране высветилось имя Эйглоу, и Конрауд сразу узнал ее голос, хотя они уже давно не разговаривали.

– Нам нужно встретиться, – сказала Эйглоу.

– Что-то случилось?

– Нам необходимо поговорить.

– Да, но я немного зан...

– Лучше вечером, Конрауд. Сможешь приехать ко мне?

– Хорошо, – согласился он. – Но я, вероятно, припозднююсь.

– Ничего, буду тебя ждать.

Попрощавшись с ней, Конрауд отыскал в контактах номер Марты, которая ответила после нескольких гудков.

– Слушаю, – послышался в трубке ее грубоватый голос.

– Тебе придется немедленно приехать в Брейдхольт, – сказал Конрауд. – И захвати с собой криминалистов.

Спустя полчаса все окружающее пространство кишмя кишело полицейскими. Специалисты криминалистического подразделения перегородили вход в здание, а также лестницу, ведущую в полуподвал, чтобы ограничить доступ в коридор и в комнату, где лежал труп. Туда никого не пустили, кроме врача, который зафиксировал смерть девушки. Марта вместе с другими следователями в нетерпении ожидала, когда криминалисты закончат работу. Между тем к дому подъехала машина «Скорой помощи», которая должна была отвезти тело в морг Национальной клиники. Все указывало на то, что девушка скончалась от передозировки наркотиков, — судмедэксперты исключали любую другую возможность.

Конрауд рассказал Марте, что в тот день встречался с пожилыми родственниками потерпевшей, которые беспокоились о своей внучке по причине ее зависимости и соучастия в контрабанде наркотиков. Он также пояснил коллеге, что по личным мотивам супруги предпочли не обращаться в полицию и, вероятно, надеялись, что им удастся вразумить девушку.

Однако в результате она сбежала из дома. Конрауд добавил, что раздобыл адрес Ласси в отделе по контролю за оборотом наркотиков и решил на обратном пути заехать к нему домой, где и обнаружил потерпевшую.

– Значит, вы дружили домами? – переспросила Марта, когда они стояли на лестничной площадке, наблюдая за действиями криминалистов. Многие жильцы как раз возвращались с работы, неся в руках переполненные пакеты с логотипом ближайшего супермаркета и ведя за собой детей, которые так же, как и их родители, замедляли шаг и с открытым от удивления ртом глядели на все происходящее, несмотря на призывы не создавать помех работе полиции. Сотрудники отдела расследований уже приступили к поквартирному обходу, расспрашивая соседей о тех, кто снимал жилье в полуподвале. Хозяйка расположенных там комнат проживала на втором этаже, но в данный момент ее, судя по всему, дома не было.

– Да, бабушка погибшей была подругой Эртны, – кивнул Конрауд. – Я с этими людьми почти не общался – здравствуйте, до свидания и не более того.

– Может, с ними поговорить тебе? Сообщить им, что произошло.

– Нет, – задумчиво проговорил Конрауд. – Думаю, вам лучше сделать это самим. Официально, так сказать.

– Удовольствие, конечно, ниже среднего.

– Им не привыкать.

– Ты о чем?

– У них много лет назад погибла в автоаварии дочь, – объяснил Конрауд. – Мать этой девушки. Так что нужно быть с ними поделикатнее.

– Боже правый, – только и выдохнула Марта.

Конрауд подробно рассказал одной из сотрудниц полиции, имени которой не знал, о том, какое отношение к этой истории имеет он, и как получилось, что он оказался в комнате, где обнаружил погибшую. Записывая его показания, женщина тщательно выверяла каждое слово, так что Конрауду пришлось проявить немалое терпение. Он уже жалел, что ввязался в семейные передраги чужих людей, и хотел как можно скорее уехать восвояси, предоставив разбираться с этим делом полиции. Он безмерно сочувствовал пожилым супругам, но не считал себя человеком, способным помочь им справиться с горем.

Распрощавшись наконец с Мартой, он уже отъезжал от места происшествия, когда вспомнил о звонке Эйглоу. Судя по голосу, она была чем-то весьма расстроена, что было для нее нетипично. Знакомы они с Эйглоу были не очень давно – с тех пор, как Конрауд вновь начал задаваться вопросами о трагической кончине своего отца, – и встречались всего несколько раз, чтобы обменяться мнениями на этот счет. Дело в том, что их отцы приятельствовали еще с военных лет и совместно устраивали довольно-таки сомнительные спиритические сеансы, пока их в конце концов не разоблачили.

Энгильберт, отец Эйглоу, воспринял это очень остро, разорвал все связи с отцом Конрауда и с тех пор они так ни разу и не общались. Проходили годы. Через несколько месяцев после того, как зарезали отца Конрауда, Энгильберт упал

в море, и его тело обнаружили в грузовом порту Сjunдахёбн. Выяснить, шла ли речь о несчастном случае или он расстался с жизнью по доброй воле, так и не удалось. Тогда Конрауд связался с Эйглоу. От отца у него остался лишь небольшой архив бумаг, но у него возникло подозрение, что они с Энгильбертом принялись за старое и стали устраивать спиритические сеансы, как когда-то во время войны. Эйглоу, однако, это предположение решительно отвергала.

К себе домой она Конрауда никогда раньше не приглашала, и они общались по телефону либо встречались в кафе – в основном по его инициативе. Поначалу Эйглоу не соглашалась ни на какие встречи, поскольку беседовать о своем отце ей не хотелось, а к отцу Конрауда она испытывала явную неприязнь, считая его виноватым в злоключениях Энгильберта и в постигшей его печальной судьбе. Однако начав общаться с Конраудом, она несколько смягчилась, и, по его ощущениям, ей было даже приятно с кем-нибудь поговорить об отце.

Остановив машину перед небольшим таунхаусом в районе Фоссвогюр, Конрауд заметил в тускло освещенном окне женский силуэт – как и обещала, Эйглоу ждала его. Не успел он подняться на крыльцо, как она возникла на пороге и пригласила его в дом, по которому расплывался аромат ладана, а из гостиной едва слышно доносилась музыка. Сколько раз Конрауд ни встречался с Эйглоу, она всегда была в черном. Не изменила она своим предпочтениям и теперь – на ней

была черная юбка и того же цвета кофта, а на груди висел серебряный крестик. Брюнетка изящного телосложения, она выглядела лет на десять моложе своих шестидесяти с небольшим. У нее были тонкие черты лица и ничего не упускающий, внимательный взгляд. Конрауд полагал, что волосы у Эйглоу крашенные, и пытался представить себе, как бы изменилась ее внешность, если бы она перестала их красить. Вот, например, Эртна этим никогда не занималась, предпочитая не спорить с природой.

– Прости, что поторопила тебя, но мне хотелось поговорить не откладывая, – сказала Эйглоу, проводя его в гостиную. – Где я тебя застала? – спросила она затем, принимаясь и даже не пытаясь этого скрыть. – Ты что, побывал на свалке?

Тут и Конрауд уловил отвратительный запах, что пропитал его одежду, пока он находился в полуподвале. Эйглоу наверняка различила его сразу – одно время она, как и ее отец, занималась экстрасенсорикой, а в этом ремесле обоняние играло не последнюю роль, как, в общем-то, и все остальные чувства.

Скрывать от Эйглоу, откуда он к ней приехал, причин не было, поэтому Конрауд выложил ей все как есть о несчастной девушке и ее родственниках, и о том, что он как раз стоял возле трупа, когда позвонила Эйглоу.

– Прости, – огорчилась та, – я побеспокоила тебя в самый неподходящий момент.

– Да нет, ничего страшного, – успокоил ее Конрауд.

– Значит, эта горемыка скончалась от передозировки?

– Судя по всему, да, – кивнул он. – Хотя еще предстоит более тщательная экспертиза. Так о чем ты хотела поговорить?

Эйглоу коснулась висящего на ее груди серебряного крестика. Она сделала это инстинктивно, будто, коснувшись его, ей было легче обуздать волнение.

– Вообще-то, поговорить я хотела о двух вещах, – произнесла она так тихо, что Конрауду пришлось слегка наклонить корпус, чтобы разобрать ее слова. – Одну я услышала вчера вечером и едва поверила своим ушам. А вторая касается девочки, о которой я помню с тех пор, как мне было двенадцать лет... – Она взглянула на Конрауда. – Знаешь, я не проводила сеансов уже очень давно.

Гости один за другим покидали дом в Фоссвогюре, пока Эйглоу и пожилая женщина не остались вдвоем. Эйглоу ощущала ту же усталость и опустошенность, что и в те времена, когда чуть ли не каждый день помогала людям входить в контакт с потусторонним миром. Проводив последнего гостя, она без сил опустилась на свое место у круглого стола, за которым проходил сеанс. Женщина продолжала сидеть там же: дряхлая, очень худая, но исполненная достоинства, она почти не видела и не слышала. Две длинные косы свисали ей на спину, темные очки защищали глаза, а в обоих ушах она носила слуховые аппараты. Больше всего она походила на вождя индейского племени прежних времен, пребывающего в ожидании того, когда за ним заедут и отвезут в резервацию. Ее сын, которому и предстояло доставить женщину обратно в дом престарелых, запаздывал.

Эйглоу и сама не помнила, как давно они знакомы, хотя с их последней встречи минуло уже много лет. Она не проводила спиритических сеансов у себя дома целую вечность, но быстро поняла, что ничего не поменялось. Нынешними участниками были те же люди, что обращались к Эйглоу, еще когда она устраивала подобные встречи на регулярной основе. При этом кое-кто прибегал к ее услугам неоднократно. Тогда ей даже случалось посещать на дому тех, кто страдал

от тяжелых болезней, чтобы попытаться облегчить их муки. Так продолжалось, пока Эйглоу не оставила практику медиума. Вплоть до сегодняшнего вечера она не применяла своих экстрасенсорных способностей годами.

На этот раз Эйглоу сама обзвонила прежних клиентов, чтобы пригласить их на спиритический сеанс к себе в Фосс-вогюр. Всего их было шестеро – четыре женщины и двое мужчин. Никто из них приглашения не отклонил. Они снова расселись вокруг стола, и все происходило точно так же, как и раньше, за единственным исключением: они все постарели. Ничего особо значимого не случилось. За то время, что они не виделись, один из мужчин овдовел и теперь справлялся о своей покойной супруге, но так ничего и не узнал. Зато их посетил дух матери одной из женщин. Эйглоу объявила, что чувствует в комнате ее присутствие, и что связано оно с серьезной болезнью. В подтверждение этих слов женщина кивнула.

– Речь о твоём муже? – сама не зная почему, спросила Эйглоу.

Женщина снова кивнула.

– Он при смерти, – произнесла тогда Эйглоу.

– Он в хосписе, – вздохнула женщина. – Не знаешь, возможно ли ему как-то помочь?

Дух матери был холоден.

– Она хочет, чтобы ты доверяла врачам, – передала Эйглоу.

В течение следующего получаса происходил обмен вопросами и ответами, после чего хозяйка попросила у приглашенных прощения: она-де уже давно не занималась спиритизмом и устала. Те вошли в ее положение и провели остаток вечера в досужих разговорах, пока не наступила пора расходиться по домам. Теперь у Эйглоу оставалась лишь пожилая женщина, которая дожидалась своего сына.

Звали ее Маульффридюр, и в шестидесятих-семидесятих годах она принимала активное участие в работе Общества эзотерики. Она была замужем за видным целителем-экстрасенсом и в качестве его ассистентки организовывала сеансы и посещения на дому для тех, кто был убежден в способности ее супруга общаться с покинувшими этот мир людьми и желал воспользоваться его услугами. Сама Маульффридюр нисколько не сомневалась, что загробная жизнь существует, и часто говорила о потустороннем мире, где собираются человеческие души, после того как отделяются от тела. К ее мужу выстраивались очереди страждущих узнать, что их ждет на том свете, и Маульффридюр не раз становилась свидетельницей событий, объяснить которые было невозможно, если человек не верил в сверхъестественное. Эйглоу помнила те долгие беседы, что происходили между ними, когда сама она была моложе и лишь открывала в себе способности, предназначения которых до конца не понимала, но стремилась узнать о них как можно больше и при случае использовать. В поисках ответов она обратилась в Общество эзо-

терики, и Маульфридюр научила ее не бояться собственных ощущений, а воспринимать их как нечто само собой разумеющееся, не смущаясь тем, что она несколько отличается от других людей.

– Он вообще собирается приезжать, этот малый? – произнесла пожилая женщина, имея в виду собственного сына, который и сам был не первой молодости.

– Видимо, он посчитал, что мы не закончим так скоро, – извиняющимся тоном сказала Эйглоу. – Это, наверно, я сплеховала.

– Не беспокойся, – успокоила ее Маульфридюр. – Ты отлично справилась. Впрочем, как и всегда. В тебе есть дух сострадания – это от отца.

Старушка отклонилась на спинку стула.

– А зачем ты сегодня устроила сеанс?

– Что ты имеешь в виду?

– Зачем ты нас позвала? – спросила Маульфридюр. – Почему в тебе снова проснулся интерес к спиритизму?

– Хотела проверить, способна ли я еще на что-то спустя все эти годы, – смущенно объяснила Эйглоу. Она ожидала подобного вопроса, хотя пока не определилась, как лучше на него ответить.

– А может, дело в другом?

Эйглоу отрицательно покачала головой, но от Маульфридюр было не так-то легко отделаться.

– Что ты пытаешься отыскать? – задала она очередной во-

прос.

– Да ничего особенного, – проговорила Эйглоу.

– Ты полагала, что сможешь вызвать его с нашей помощью? Благодаря той энергии, что здесь сегодня накопилась?

– Даже и не знаю, – призналась Эйглоу.

– Как же ты похожа на нашего Берти, – сказала старушка: никак иначе она отца Эйглоу не называла. – Было горько наблюдать за тем, как он растрчивает свой талант. Вечно он от нас что-то скрывал. А если б не пил столько, смог бы найти своим способностям достойное применение.

– По-моему, он никогда не был особо рад тому, что этими способностями обладает.

– И по-моему тоже. В отличие от тебя, верно? Ужасно, что для него все так обернулось. Твой отец был замечательный человек – не забывай этого. Правда, слабохарактерный и чересчур восприимчивый. Да и выпить любил, а это не лучшее сочетание. Значит, сегодняшний сеанс как-то связан с Берти?

– Нет, – покачала головой Эйглоу.

– Может, ты ощущала его присутствие, после того как он нас покинул?

– Нет.

– В какой-то момент он совсем перестал интересоваться жизнью Общества, – заметила Маульффридюр, выпрямляя спину. – Мы и понятия не имели, чем он занимался на момент смерти, и продолжал ли практиковать в качестве экс-

трасенса. Печально, конечно, что он дошел до такого состояния и оборвал все связи с прежними друзьями. Мой муж еще пытался как-то вразумить его, но потом махнул на это рукой – сказал, что не может наблюдать за тем, как деградирует Берти.

– И мама то же самое говорила – в последние месяцы отец совсем сдал.

– Ну да, ей, бедняжке, было наверняка нелегко. Да и тебе тоже. Представляю, что это за бремя.

Старушка глядела на Эйглоу через темные очки.

– Потом до нас дошли слухи, что Берти связался не с теми людьми, – проговорила она. – Вроде как стал якшаться с какими-то уголовниками, видимо, потому, что те не жалели для него вина. Кто-то рассказывал, что видел его с одним подозрительным типом.

– С каким еще типом?

Пожилая женщина сняла очки. Ее почти бесцветные глаза были чувствительны к свету и различали лишь нечеткие силуэты и движения.

– С тем самым, что в годы войны использовал Берти для своих махинаций. Его потом зарезали возле Скотобойни.

Конрауд поднял глаза, когда Эйглоу произвела слова, сказанные пожилой женщиной.

– Она что же, имела в виду моего отца? – с плохо скрываемым удивлением спросил он.

Эйглоу кивнула.

– Другого толкования я не нахожу, – сказала она.

– Выходит, по мнению той женщины, наши отцы снова взялись прокручивать какие-то схемы?

Эйглоу снова кивнула.

– Но мы же... Ты же говорила, что это невозможно.

– Ну да.

– Значит, они вдвоем...

– Да.

– Ну и чем же они занимались?

– Бог их знает. Маульффридюр слышала об этом краем уха, и подробности ей не известны.

Конрауд перевел взгляд на круглый стол в центре гостиной и представил себе, как вокруг него, взявшись за руки, сидят участники спиритического сеанса. В углу комнаты стояло старинное пианино, которое, по словам Эйглоу, когда-то привезли из Дании ее предки.

– Так почему же ты организовала эту встречу? – спросил Конрауд. – Этот сеанс, я имею в виду. Чего ты не захотела рассказывать той женщине? Для тебя это какая-то деликатная тема?

– Я, вообще-то, рассказала ей, прежде чем она уехала.

– И что же?

– Ты в это не поверишь, – произнесла Эйглоу, которая была осведомлена о скептических взглядах Конрауда на паранормальные явления и жизнь после смерти. – Не имеет смысла с тобой это обсуждать.

– Что конкретно?

Эйглоу колебалась.

– Она мне снова явилась, – наконец проговорила она.

– Кто?

– Девочка, которую я видела, когда мне было двенадцать лет. Она показалась мне такой же одинокой и беспомощной, как и тогда. Она так и не нашла куклу, что потеряла при жизни, и думает, что помочь ей в поисках могу я.

Марта поехала в район Вестурбайр, где жили родственники Данни, чтобы сообщить им о гибели девушки. Их адрес ей дал Конрауд. За рулем патрульного автомобиля сидел совсем еще неопытный молоденький полицейский, которому такая печальная миссия выпала впервые. Марта уже успела позвонить в церковный приход и вызвать пастыря, задачей которого было оказать пожилым людям духовную поддержку. Когда полицейская машина подъехала к дому супругов, Марта заметила, что пастырь уже на месте. Она сообщила ему основные факты о девушке, упомянув и о фатальной инъекции наркотика.

– Несчастные люди, – вздохнул священник.

– Да уж, – кивнула Марта. – Дело скверное.

Уже стемнело, и, приближаясь к входной двери, они увидели, что в гостиной работает большой телевизор с плоским экраном, по которому как раз показывали документальный фильм о природе. Нажимая на кнопку звонка, Марта подумала о том, что однажды этим людям уже наносили визит, который разделил их жизнь на до и после. Может, тогда стоял такой же вечер, как сегодня. Или была ночь?

Возникшая на пороге женщина окинула троицу вопрошительным взглядом. Прошла пара мгновений, прежде чем Марта объяснила ей причину их появления, постаравшись

сделать это как можно деликатнее.

– Боже мой! Только не это! – застонала женщина, бледнея на глазах и срываясь на плач. Священник поспешил подхватить ее под руку и провел обратно в дом. В прихожей в оцепенении стоял ее муж, который расслышал слова, произнесенные Мартой на пороге.

– Это правда? – едва слышно спросил он, глядя на нее.

– Увы, да, – ответила она. – Примите мои соболезнования. Искренне сожалею, что вынуждена сообщить вам такую новость.

Мужчина сделал шаг к своей супруге и, обняв ее за плечи, отвел в гостиную, шепча ей слова успокоения, хотя нуждался в поддержке не меньше, чем она. Пастырь направился следом и присел вместе с пожилой парой. Марта держалась на почтительном расстоянии, а ее молодой коллега так и вообще остался стоять в прихожей.

После того как с супругами побеседовал священник, в разговор осмелилась вступить и Марта. Она извинилась за то, что вынуждена задать им несколько вопросов, а также сообщила, что либо им самим, либо кому-то из их близкого окружения придется проехать на официальное опознание тела.

– На опознание? – переспросил мужчина. – А разве не точно, что... Как вы поняли, что это она?

– Вы просили посодействовать в поисках вашей внучки Конрауда, у которого оказалось при себе ее фото, – объясни-

ла Марта, извлекая из кармана снимок девушки. – Полагаю, что он от вас его и получил.

– Так значит, это Конрауд ее обнаружил? – задал очередной вопрос мужчина.

– Да.

– А где он? Он не с вами?

– Он больше не служит в полиции, – ответила Марта. – Он наверняка с вами свяжется при первой возможности.

– Что произошло? – спросила пожилая женщина. – Что случилось с нашей внучкой?

– Похоже, она приняла большую дозу наркотика, – объяснила Марта. – Пока это выглядит так, но еще предстоит выяснить, было ли это случайностью, или все-таки речь идет о самоубийстве.

– О самоубийстве? Боже мой...

– Не замечали ли вы у нее стремления свести счеты с жизнью? Каких-то признаков депрессивного состояния? Или тревоги?

Оба супруга решительно покачали головой, словно даже не представляли, что такое возможно.

– Вы не обратили внимания, не стала ли ее зависимость тяжелее в последнее время?

– Да нам почти ничего не известно, – ответил мужчина.

– Понимаю. В общем-то, все указывает на то, что это трагическая случайность, – кивнула Марта. – Такое, к сожалению, не редкость. Я так понимаю, ваша внучка состоя-

ла в связи с человеком по имени Ласси, верно? Вы можете это подтвердить? Прошу прощения за подобные вопросы, но нам просто необходимо как можно скорее выяснить все подробности.

– Его полного имени мы не знаем. Так его называла внучка, когда мы поинтересовались, что у них за отношения, – пояснил мужчина.

– Комнату, в которой ее обнаружили, снимает некто Лауриус Хинриксон. Это может быть он?

– Разве это не самое очевидное? – сказал мужчина. – Он там тоже был, когда все случилось?

– Нам еще не удалось его найти, – сообщила Марта. – Но это вопрос времени. Вы не знаете, где он может находиться?

– Мы? Нет, мы его даже ни разу не видели.

– Во время беседы с Конраудом вы упомянули о контрабанде – о том, что ваша внучка перевозила наркотики.

– Она призналась нам, что ввезла наркотики из-за границы, – кивнула женщина. – Отрицать это не имело смысла – я застала ее в тот момент, когда она от них... избавлялась. – Она взглянула на своего мужа. – Боже мой, какой ужас. Бедная Данни. Как же это могло случиться? Она была такой... такой доброй и милой девочкой и была так похожа на свою маму. Как это могло произойти? Уму непостижимо. Такая молоденькая и ввязалась в эту... в эту... – Женщина закрыла лицо руками.

– У вас есть причины полагать, что она на кого-то рабо-

тала? – спросила Марта. – Она привезла наркотики не для личного употребления?

– Она клялась и божилась, что это было один-единственный раз, – ответил мужчина, – но знать наверняка мы, конечно, не можем. Полагаю, что она наговорила нам много неправды. По ее словам, она привезла наркотики для каких-то других людей, но называть нам их имен не захотела. Вообще ничего не захотела нам рассказывать.

– Возможно, это дело ей поручил Ласси. Или кто-то, с ним связанный.

– Кто знает? – пожал плечами мужчина. – Для нас это все тайна за семью печатями. Немыслимо, что такое вообще могло случиться. Просто невысказанно.

– А в связи с чем вы решили не обращаться в полицию? – спросила Марта. – Вы же видели, что творится неладное. Вы даже наркотики у нее видели...

Супруги обменялись взглядами. На лице пастыря отразилось неодобрение – видимо, он считал, что Марте не стоило торопиться с подобными вопросами.

– Данни слезно просила нас этого не делать, – ответил мужчина. – Но мы пригрозили, что будем вынуждены сообщить в полицию, поскольку не намерены мириться с тем, что она позволяет себе такое поведение, да еще и без зазрения совести приносит в дом эту гадость.

– Но она закатила истерику, – подхватила женщина. – Сказала, что если бы не передала наркотики, ее бы заставили за

это заплатить. Поклялась нам, что такое случилось впервые и больше не повторится.

– А кто заставил бы ее заплатить?

– Этого она нам говорить не стала, – вздохнул мужчина. – И вообще, может, она все придумала. Вполне вероятно, что она привезла наркотики для себя. Я... мы не хотели портить с ней отношения. Не хотели, чтобы она на нас обижалась. Этим мы в первую очередь и руководствовались – надеялись сохранить согласие в семье.

– И вот вам результат, – едва слышно произнесла его жена.

Священник жестом намекнул Марте, что пора заканчивать.

– Полагаю, что пока мне достаточно этой информации, – сказала она. – Позвольте только задать вам последний вопрос: как мы можем связаться с отцом Даниэлы?

– С ее отцом? – с презрением бросил мужчина. – Вы хотите связаться с ее отцом? Ну, успехов вам.

– А что такое?

– Он вроде как перебрался в Бразилию. Видимо, там до сих пор и обитает. Даниэлой он ни разу не поинтересовался – она для него будто не существовала.

Едва Конрауд переступил порог, как зазвонил его мобильник. Он довольно долго просидел у Эйглоу, пока они обсуждали, что Маульфридюр рассказала после спиритического сеанса об их отцах. Пока это было первым и единственным доказательством того, что мужчины поддерживали связь и после войны. Эта новость оказалась совершенно неожиданной для Конрауда, но Эйглоу она удивила и того больше – она-то считала, что Энгильберт затаил обиду на отца Конрауда и даже слышать о нем не желал.

На другом конце провода была Марта, которая вернулась в управление после визита к родственникам погибшей девушки и позвонила, чтобы подробно рассказать Конрауду об их беседе.

– Разговор наверняка был не из приятных, – заметил тот.

– Они ждут, что ты с ними свяжешься, – сообщила Марта. – Может, тебе к ним зайти?

– Даже и не знаю, – ответил Конрауд. – По большому счету они для меня посторонние люди. Не понимаю, с чего они решили обратиться ко мне... Значит, девушка скончалась от передозировки?

– Похоже, что так, – сказала Марта. – Судя по всему, она начала колоться совсем недавно – на руке есть следы от иглы, но их немного. Так что наверняка просто не рассчитала дозу.

– А что было в шприце?

– Вроде экстази. Но надо, конечно, дожидаться заключения экспертов. В последнее время это довольно распространенный наркотик – о нем и в новостях часто говорят.

– Да я новости-то особо и не смотрю, – сказал Конрауд.

– Возможно, она ввела себе то, что сама и провезла. В нашей базе ее нет, так что непонятно, связана ли она как-то с наркодилерами... Ну, если, конечно, не принимать во внимание, что она скончалась в комнате, которую снимает тот тип – Лаурюс Хинрикссон. Наверно, она и правда ступила на эту опасную дорожку совсем недавно, бедняга.

Попрощавшись с Мартой, Конрауд решил немного перекусить и пропустить бокальчик красного вина. С пластинки, которую он поставил на проигрыватель, звучали старые исландские шлягеры. Конрауд неизменно отдавал предпочтение винилу, будто все последующие достижения звукозаписывающей индустрии обошли его стороной. На дисках из своей коллекции он знал каждую царапину, а потрескивание, что раздавалось из-под иглы перед началом всех без исключения песен, воспринимал как некую прелюдию. Сидя за обеденным столом, Конрауд перебирал разложенные на нем бумаги и размышлял о своем отце и об Энгильберте. Все эти документы он обнаружил уже после смерти отца. Среди них были вырезанные из газет заметки о ясновидении, репортажи об экстрасенсах-шарлатанах и о том, как их разоблачили, интервью с председателем Общества эзотерики, статьи о

потустороннем мире, где собирались души после того, как отделялись от тела. Эта коллекция служила свидетельством того, что у отца Конрауда возродился интерес к сверхъестественному и он продолжал заниматься этой темой, до того как на него напали с ножом. Почему этот интерес возродился, Конрауду было неизвестно – отец об этом никогда не говорил. Однако о спиритических сеансах, которые они с Энгильбертом устраивали в военные годы, он рассказывал, не скрывая и того факта, что они брали плату с тех, кто обращался к ним с вопросами о жизни после смерти. Иными словами, отец Конрауда потешался над людьми, которые верили в загробное существование, и не видел ничего предосудительного в том, чтобы превращать их страдания в свой источник дохода.

Как-то отец упомянул о том, что в отличие от него самого Энгильберт считал, что действительно обладает даром экстрасенса и проводил сеансы еще до того, как их пути пересеклись. Однако прежде чем отец Конрауда к нему присоединился, его деятельность в качестве медиума носила довольно нестабильный характер. Конрауд был не в курсе того, как произошло их знакомство и почему Энгильберт согласился сотрудничать с его отцом на ниве мошенничества. Знал Конрауд лишь то, что для них не было ничего святого. Они не гнушались обводить вокруг пальца даже людей, переживших тяжелейшее горе, например, потерю ребенка.

Перебирая бумаги, Конрауд вспоминал рассказы своего

отца. Если они с Энгильбертом снова спелись после двадцатилетнего перерыва, это вполне могло быть связано с возрождением спиритических сеансов – больше их вряд ли что объединяло. А если все-таки объединяло, то Конрауду было трудно представить, что это могло быть.

Мучал Конрауда и еще один вопрос, который спонтанно возник у него в голове, когда Эйглоу привела слова Маульфридюр о том, что его отца видели вместе с Энгильбертом незадолго до того, как они оба покинули этот мир. Развивать эту тему с Эйглоу он не стал, а потому не знал, не возникло ли подобной мысли и у нее тоже. По крайней мере вслух она ничего такого не высказывала.

Мобильник Конрауда снова ожил. Бросив взгляд на часы, он констатировал, что время перевалило за полночь. Номер, который высветился на экране телефона, он не знал, поэтому прежде чем ответить, немного поколебался. Голос на другом конце провода Конрауд узнал сразу: это был человек, с которым они много лет проработали вместе и даже были друзьями, хотя теперь их дружба, можно сказать, распалась.

– Еще не спишь, старик? – По голосу Лео Конрауд догадался, что тот пьян.

– А Марта рассказала мне, что ты опять попиваешь, – ответил Конрауд. – Значит, все лечение коту под хвост?

– Да помолчи ты...

– А еще она сказала, что ты докучаешь людям, которые пока еще вменяемы.

– Заткнись!!

– Сам заткнись, – сказал Конрауд и нажал на отбой.

Конрауд лучше, чем кто бы то ни было, знал, что полицейские отчеты не раскрывают всей картины происшествия. В них отмечают лишь основные пункты, которые представляют интерес с точки зрения тех, кто эти отчеты составлял: отдельные показания очевидцев, неполная информация о месте и хронологии событий, самое общее описание причастных к происшествию лиц. Излишние (на взгляд автора отчета) детали, будь то замечания, сделанные во время неформальных бесед, слухи, достоверность которых подвергалась сомнению, заявления тех, кто считал, что обладает нужными сведениями (хотя и делал эти заявления в состоянии опьянения), в отчет не попадали, если только не имелось веских причин их не игнорировать. Да и те, с кем беседовала полиция, нередко не упоминали подробностей, которые были, по их мнению, не важны, за исключением случаев, когда у полицейских уже имелись определенные наработки и они более точно формулировали вопросы. Были и те, кто говорили неправду, даже сами не зная почему. А кое-кто излишне полагался на свою память, которая зачастую подводила, как, например, в случае людей, входивших в круг общения отца Конрауда.

Отчеты об убийстве содержательностью не отличались. Вскрытие показало, что отцу были нанесены два удара но-

жом, один из которых попал в самое сердце и вызвал обильное кровотечение, в результате чего потерпевший скончался на месте происшествия. Его описание являлось тому свидетельством: лужа крови растеклась до железных ворот Скотобойни Сюдюрланда. Все указывало на то, что жертву привели туда именно с целью расправы.

В отчетах отмечалось, что, по показаниям соседей, в тот день, когда отца Конрауда обнаружили мертвым, у них с сыном произошла ссора. На допросах Конрауд это всегда отрицал, категорически отказываясь признавать, что они повздорили. Для себя он решил, что та дискуссия не имела никакого отношения к нападению на отца. Между ними действительно завязалась перепалка, которая закончилась тем, что Конрауд, хлопнув дверью, вышел из дома и направился в центр города, чтобы встретиться с друзьями. С двумя из них он вчерную работал на производстве железной арматуры, а третий был человеком без определенных занятий, который медленно, но верно двигался к тому, чтобы умереть от алкоголизма, что несколько лет спустя и произошло. Все трое подтвердили, что Конрауд находился с ними в тот вечер, когда обнаружили тело его отца. Расследование застопорилось, и в полиции решили принять невиновность Конрауда как данность – отцеубийство действительно являлось крайне редким видом преступления.

Из трех полицейских, что в свое время занимались расследованием этого убийства, в живых оставался лишь один.

Спустя несколько лет после происшествия он ушел из полиции и устроился на работу в таможенное управление. Теперь он, однако, уже был на пенсии и жил у моря на Рейкьянесе⁴. Конрауд в том направлении давненько не ездил, и у него возникла идея прокатиться на Рейкьянес и, пользуясь возможностью, навестить бывшего полицейского. Они были знакомы исключительно в связи с расследованием – тот человек уволился из полиции, когда Конрауд лишь начинал там работать. Он всегда относился к Конрауду с уважением, проявляя понимание того, что тот вырос в непростых обстоятельствах, чувствуя себя изгоем и борясь с собственной жесточенностью, причины которой не до конца осознавал и которую не всегда мог обуздать.

Конрауд свернул на юг вблизи Кеблавика⁵, направляясь в сторону прежнего контрольно-пропускного пункта и вспоминая, как он одно лето работал там на аэродроме у крупного подрядчика, выполнявшего заказы американских военных. В те времена они были полноправными хозяевами в Миднесхейди, поросшей вереском местности полуострова. Конрауд тогда как раз закончил училище, и его взяли на работу благодаря протекции одного товарища. Он был определен в службу эксплуатации дорог военной зоны Кеблавика. Работа ему нравилась – сотрудникам предоставляли неплохой паек и место в выделенной подрядчику общей казарме,

⁴ Рейкьянес – полуостров вблизи Рейкьявика.

⁵ Кеблавик – город в 30 км западнее Рейкьявика.

где Конрауд спал пять ночей в неделю, а на выходные уезжал в Рейкьявик. Кое-кто из его коллег проносил через контрольно-пропускной пункт сигареты и ящики с пивом. Не гнушался этим и Конрауд, причем делал это в крупных масштабах, так что к концу лета ему удалось скопить приличную сумму. В те времена аэродром Кеблавика являл собой внешний мир в миниатюре – именно там Конрауд впервые отведал фастфуда в виде гамбургеров и картошки фри.

Он пока так и не решил, стоит ли нагрянуть к бывшему полицейскому, и, не доезжая до контрольно-пропускного пункта, свернул налево в сторону деревни Хабнир, когда заметил дорогу, которой никогда не пользовался раньше. Она тянулась вдоль моря, огибая аэропорт. Выехав на нее, Конрауд повел машину на небольшой скорости, любуясь прибрежным пейзажем. Миновав группку домов в Стабнесе, он в мягком свете осеннего дня проследовал мимо церкви в Квальснесе, где несколько веков назад служил пастором поэт Хадльгримюр Пьетюрссон, высекший в камне боль от утраты своей дочери, надгробная плита которой по сию пору хранилась в церкви. Тут Конрауд наконец пришел к заключению, что не поедет обратно домой, предварительно не заглянув к бывшему полицейскому.

Тот как раз возился в мастерской, что была пристроена к дому, и узнал Конрауда, едва его завидев. Несмотря на почтенный возраст, он хорошо сохранился физически и обладал ясной памятью, из которой не стерлись те моменты, ко-

гда он, навещая своих прежних коллег в полицейском управлении, пересекался с Конраудом. Паульми – так звали старика – пригласил гостя в дом и предложил ему кофе.

– Честно говоря, я тебя давненько поджидал, – заметил он, проводя Конрауда в кухню. – Даже удивительно, что ты не стал расследовать это дело гораздо раньше.

– Вообще-то, я ничего не расследую, – ответил Конрауд, примостившись у стола, накрытого клеенкой яркой расцветки. – Да и что там теперь расследовать, верно? Вы ведь сделали все, что могли.

– Да нет, – произнес Паульми. – Сути мы так и не выяснили. Неудовлетворенность от того, что такое дело остается открытым, никуда не уходит. Я вот как раз на днях снова размышлял о том происшествии, так что, как видишь, есть вещи, которые тебя не отпускают. Да тебе это и без меня известно – еще и получше, чем кому бы то ни было.

Паульми наполнил чашку Конрауда черным, как смоль, кофе.

– Это ты занимался расследованием того дела о трупе, что спрятали в леднике Лангйёкютль? – поинтересовался он.

Конрауд кивнул.

– Вот ты, наверно, обрадовался, когда его наконец нашли. Лет тридцать прошло, так?

– Да уж, мы тогда и правда выдохнули, – признался Конрауд. – Ведь на тот ледник ничто не указывало. Ни единой улики.

Он надеялся, что его слова не прозвучали как оправдание, – стыдиться ему было совершенно нечего. Тот случай оказался самым сложным за всю его карьеру.

– Так не по тому ли поводу ты ко мне заехал? По поводу нераскрытых дел, я имею в виду.

– Даже и не знаю, – проговорил Конрауд. – Я тут перебирал старые отчеты и решил узнать, не беседовали ли вы с неким Энгильбертом. Ничего такого я не обнаружил, но подумал, что, может, эти подробности в материалы дела просто не попали. Он выдавал себя за экстрасенса, или яснови-
дящего, ну или как это называется? Не помните такого?

– Помнить-то помню, но не поводу того расследования. Это ведь его труп обнаружили в Сюндахёбне? Только тогда кто-то и вспомнил, что во время войны он водил дружбу с твоим отцом. Они вместе занимались какими-то темными делишками, верно?

Кивнув, Конрауд рассказал, что недавно беседовал с дочерью Энгильберта и выяснил, что его нашли мертвым всего несколько месяцев спустя после того, как зарезали отца Конрауда.

– Они наживались на вере людей в потусторонний мир.

– В потусторонний мир? – с сомнением переспросил Паульми. – По-моему, в таком направлении расследование никогда не велось.

– Я подозревал, что перед смертью отец принялся за старое. А у дочери Энгильберта появилась информация, что

они, вероятно, снова стали работать вместе.

– У нас, однако, на этот счет ничего не имелось, – сообщил Паульми.

– А такая версия вообще рассматривалась?

– Нам было ничего не известно о связи Энгильберта с твоим отцом, если не считать их альянса в годы войны, – ответил Паульми. – Тот тип упал в море – может, случайно, а может, и намеренно. По крайней мере к твоему отцу тот случай не имеет, на мой взгляд, никакого отношения – если тебя именно это волнует.

– Даже и не знаю, что меня волнует. Я просто подумал, что имело бы смысл лучше с этим делом разобраться. Если они и правда снова взялись вместе прокручивать свои прежние махинации, возможно, появится некая новая линия расследования.

– Жена Энгильберта полагала, что тот время от времени околачивается в районе порта. Вернее, поднимается на борт кое-каких суден. Вроде как у него были знакомые, которые обеспечивали его спиртным. Она считает, что муженек, возможно, оступился, когда спускался с очередной лодки на причал, но свидетелей тому не было. По крайней мере к нам никто не обращался. Пара-тройка рыбаков, что ходили в море на траловый лов, общались с этим Энгильбертом, но они и понятия не имели, что с ним произошло.

– Значит, в связи со смертью моего отца его никогда не упоминали?

– Когда твой отец умер, мы, как я и говорил, попытались побеседовать со всеми, кто его знал, ну или хотя бы о нем слышал, – ответил Паульми. – Нет, во время расследования имя Энгильберта ни разу не всплывало.

– Из разговора с его дочерью мне показалось, что смерть моего отца его очень расстроила, – заметил Конрауд. – Не просто расстроила, а даже привела в смятение.

– Ну, мне-то об этом ничего не известно. Вы давно с ней общаетесь?

– Встречались пару раз.

– Значит, ты все-таки решил разобраться, что к чему? – спросил Паульми с улыбкой, будто всегда знал, что рано или поздно Конрауд обязательно вернется к давнему происшествию.

Последний, однако, пропустил эту реплику мимо ушей.

– А больше в тот период не происходило ничего необычного? – поинтересовался он. – Что-нибудь такое, что потребовало вмешательства полиции? Самозванцы от ясновидения? Случаи насилия? Необъяснимая смерть?

– Да нет, – задумчиво вымолвил Паульми. – Ничего такого, что сравнилось бы с убийством твоего отца. К счастью, убийства у нас редкость – и сейчас, и тогда. Нет, ничего не припоминаю.

– А какие-нибудь странные происшествия?..

– Нет... А что ты подразумеваешь под словом «странные»?

– Ну не знаю. Что угодно.

– Пожары, например?.. Был на моей памяти такой случай – как раз в те годы. Тогда еще погиб один старичок. Причиной возгорания была газовая плита. Тебя что-то такое интересует? Ну и самоубийства случались, к сожалению. Уж не без этого. А еще... девочка в Тьёднине утонула.

– Девочка?

– Да, двенадцати лет.

– Она что, провалилась под лед?

– Нет, это случилось в конце лета. Видимо, она уронила в озеро куклу и попыталась ее достать.

– Вот как?

– Да, труп обнаружили прямо под мостом. Вот тебе необъяснимая смерть – свидетелей же не было. Но это ведь никак не связано с твоим случаем. Совершенно никак.

На обратном пути в Рейкьявик Конрауд пытался позвонить до Марты, но она не ответила – возможно, у нее как раз была планерка. Он испытывал угрызения совести из-за того, что до сих пор не связался с бабушкой и дедушкой Дании, но заявиться к ним безо всякой информации у него не хватало духа, поэтому он надеялся узнать у Марты последние новости о расследовании. Вообще-то, встречаться с пожилой парой ему совсем не хотелось, но он понимал, что сделать это необходимо хотя бы из чувства долга. В таких ситуациях Конрауд всегда терялся – становился косноязычным и не мог подобрать слова участия и поддержки людям, которых практически не знал. Он даже не представлял, как начнется с ними диалог. Он подумал было заехать по дороге в цветочный магазин, но потом отказался от этой мысли: в конце концов для него это всего лишь визит вежливости, после которого какое бы то ни было общение между ними сойдет на нет, – по крайней мере со стороны Конрауда.

Потом он позвонил своему сыну Хугоу, который поинтересовался, не посидит ли Конрауд на следующей неделе с близнецами, пока они с женой будут в театре. Тот, разумеется, согласился – ему доставляло удовольствие возиться с внуками. Врач по профессии, Хугоу справился о здоровье отца. Конрауд ответил, что ни на что не жалуется. На том

они и распрощались.

Марта перезвонила, когда Конрауд уже парковал машину возле дома родственников Данни, и осведомилась о причине его звонка. Он объяснил, что хотел выяснить, как продвигается расследование смерти девушки, но Марта сообщила, что расследование, строго говоря, еще и не начиналось: вскрытие только предстояло, а поиски Лаурюса Хинрикссона пока результатов не принесли. Единственное, что удалось выяснить, это то, что в последнее время ни его родственники, ни друзья с ним не встречались и никаких известий от него не получали. При попытке дозвониться до Лаурюса по зарегистрированному на него номеру, автоответчик сообщал, что в данный момент абонент не доступен.

– Тебе не кажется это странным? – спросил Конрауд. – То, что вы его до сих пор не нашли, я имею в виду.

– А что тут странного? – ответила Марта, которая, судя по раздававшимся из трубки причмокивающим звукам, устроила себе перекус. – Мы его всерьез-то пока и не искали. Куда он денется?

– А по поводу той партии наркотика, что девушка ввезла из-за границы, удалось что-то выяснить?

– Нет, возможно, она предназначалась для личного пользования – как бы банально это ни звучало. Но мы не исключаем и той версии, что у нее был заказчик.

– А о ее связи с Лаурюсом вы что-нибудь узнали? – задал очередной вопрос Конрауд. – Я собираюсь зайти к ее род-

ственникам – может, есть что им передать?

– Я буду держать их в курсе, – устало вздохнула Марта. – Они звонят сюда беспрерывно.

Выключив мотор, Конрауд направился к дому. На пороге появился дедушка Данни, который пригласил его войти. Выглядел мужчина так, будто постарел на несколько лет. Его жена сидела в гостиной у стола, на котором были веером разложены фотографии из находившегося тут же семейного альбома. На снимках были изображены дочь и внучка пожилой пары. Многие из них были сделаны во время домашних праздников – дней рождения или Рождества – а также в зарубежных поездках, в копенгагенском парке Тиволи или на фоне Эйфелевой башни. Стоя на почтительном расстоянии, Конрауд переводил взгляд с одной фотографии на другую. На некоторых из них мать держала на руках маленькую Данни, и они обе счастливо улыбались.

Убитые горем супруги попросили Конрауда поподробнее рассказать о том, как он обнаружил девушку. Все еще глядя на снимки, он заговорил, подбирая слова так, чтобы хоть немного утешить пожилых людей: насколько он мог судить, смерть Данни не была мучительной – их внучка выглядела так, будто уснула и больше не проснулась. А на ее лице застыло умиротворенное выражение.

– Марта – та, что ведет расследование, – вам, конечно, говорила, что этот Лаурюс уже попадал в поле зрения полиции. Хулиган он известный... – продолжил Конрауд, не углубля-

ясь в подробности о похождениях молодого человека.

– Это не он с Данни такое сотворил?

– Полиция считает, что она превысила дозу наркотика, – покачал головой Конрауд. – По крайней мере предварительная версия такая.

– Не понимаю, – произнесла женщина. – Она же вечно боялась всяких иголок – даже прививки не хотела делать.

– Видимо, когда человек пристрастился к наркотикам, ему уже никакие иголки не страшны, – заметил ее муж.

Они продолжили задавать Конрауду вопросы, на которые он, как мог, отвечал, но в конце концов все же отослал их к Марте, порекомендовав не опускать рук и периодически звонить в полицию, требуя более тщательного расследования.

В определенный момент у Конрауда иссякли слова, и он лихорадочно думал, как бы поделикатнее распрощаться с пожилыми людьми, которые находились в плену воспоминаний о своих дочери и внучке. Когда подходящая фраза уже готова была сорваться с его губ, в дверь позвонили. Мужчина вышел в прихожую, откуда слышались приглушенные приветствия, а потом в его сопровождении в гостиную появилась пара, которая выглядела несколько моложе хозяев дома. Оказалось, что это брат мужчины со своей подругой. Поздоровавшись с ним, Конрауд поспешил сообщить, что ему пора.

– Спасибо вам за помощь, – поблагодарил его дедушка погибшей. – Это тот самый Конрауд, что обнаружил нашу

Данни, — добавил он, обращаясь к своему брату.

— Так вы полицейский? — спросил тот.

— Он муж Эртны, хотя ты ее, наверно, не помнишь. Она работала врачом, как и ты. В Национальной клинике в Фосс-вогюре, верно? — перевел он взгляд на Конрауда, который кивнул.

— Как же не помнить — помню. Мы ведь были коллеги, — отреагировал мужчина. — Ваша жена умерла несколько лет назад, не правда ли?

— Да, у нее был рак, — подтвердил Конрауд, не испытывая никакого желания продолжать этот разговор.

— Эта ужасная болезнь, как лотерея, — вмешалась подруга врача, всем видом пытаясь донести мысль о том, что пути господни неисповедимы. — Не угадаешь, кто станет ее жертвой.

Вернувшись домой, Конрауд позвонил Эйглоу, но та не ответила. Тогда он решил допить оставшееся с предыдущего вечера вино и за этим занятием размышлял о своем разговоре с бывшим полицейским. На дне бокала оставалось всего несколько капель, когда зазвонил телефон, на экране которого высветилось имя Эйглоу.

— Ты звонил? — сказала она, едва Конрауд ответил.

— Да, — подтвердил он. — По поводу той девочки, о которой ты вчера рассказывала.

— А что такое?

— Тебе о ней что-нибудь известно? Кто она? То есть кем

она была?.. Ну, она, должно быть, умерла... раз уж... если уж она тебе явилась?

– Но ты же в этом совершенно не разбираешься. Ты что же, звонил, чтобы посмеяться надо мной?

– Да нет, – Конрауд уже жалел, что заинтересовался этой историей. – Ну что ты! У меня просто появились кое-какие сомнения, но...

– Чего же ты хочешь?

– Ты говорила, что видела девочку, которая была расстроена из-за того, что не могла отыскать свою куклу.

– Верно.

– А ты слышала о происшествии на Тьёднине?

– О каком происшествии?

– В озере утонула девочка, – объяснил Конрауд, припоминая детали, рассказанные ему Паульми. – Это случилось в шестьдесят первом году. Девочке было двенадцать лет. Предположительно она уронила в воду свою куклу и попыталась ее достать, но утонула. Однако воочию этого никто не видел. Там проходил какой-то человек... Алло?.. Эйглоу?..

Из трубки донесся треск, и Конрауд предположил, что телефон выпал у нее из рук.

Лаурюс Хинрикссон как сквозь землю провалился. Его родственники давно перестали им интересоваться и понятия не имели, где он пропадает последние полгода. Родители Лаурюса были в разводе и между собой не общались. Еще у него было два брата, которые вели вполне достойную жизнь и знать ничего не хотели о Лаурюсе. Один из них, являвшийся совладельцем шиномонтажной мастерской, сообщил полиции, что в последний раз говорил со своим непутевым братом больше года назад, и тот, как всегда, был на мели. Лаурюс попросил у него в долг, клянясь, что вернет деньги через пару дней, но получил отказ. Назвав его «безнадежным случаем», брат пояснил, что давно перестал вникать нытью Лаурюса, поскольку тот и так был должен ему крупную сумму, которую он уже отчаялся когда-нибудь с него взыскать. Информация, полученная от другого брата, была примерно такой же: Лаурюс неоднократно обивал его порог, пытаясь выманить у него денег. В последний раз Лаурюс приходил к нему полтора года назад, но брат дал ему от ворот поворот и попросил больше никогда его не беспокоить. Оба брата подозревали, что деньги, которые у них так настойчиво кланчил Лаурюс, шли прямым ходом в карман к наркодилерам.

С Данни братья были не знакомы и даже никогда о ней не слышали. Как и мать Лаурюса, которая понятия не имела,

что ее сын встречался с девушкой, и была жутко удивлена, узнав, что ее труп обнаружили у него в комнате. Она даже не предполагала, где обитал Лаурюс, и несколько раз переспрашивала о его отношениях с той девушкой и о том, как она погибла. Мать работала кассиром в супермаркете «Нетто» и одалживать деньги Лаурюсу у нее не было никакой возможности, о чем она и сообщила полицейскому, который в беседе с ней поинтересовался, не выпрашивал ли сын в долг и у нее, как у своих братьев. Ее мизерной зарплаты едва хватало на то, чтобы рассчитаться за аренду клетушки, которую она называла домом, поэтому Лаурюсу пожить у нее было абсолютно нечем. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, женщина неофициально подрабатывала уборщицей, чего совершенно не стеснялась. Полицейский понимающе кивал головой – он тоже не гнушался халтурить на стройке в свободное от основной работы время, поскольку лишняя крона никому не помешает. Делиться этими подробностями с матерью Лаурюса он, разумеется, не стал.

– Вы разыскиваете Ласси из-за той девушки? – спросила у него женщина. Их разговор происходил в складском помещении супермаркета.

– Да, нам необходимо задать ему кое-какие вопросы, – ответил полицейский.

– А к нему это имеет какое-то отношение? Ее смерть, я имею в виду, – сказала она встревоженно.

– Это нам и нужно у него выяснить.

– Ласси никому и никогда не сделал бы ничего плохого, – встала на защиту сына мать. – Пусть он наркоман, но он и мухи не обидит.

– Ну разумеется, – кивнул полицейский, записывая фразу «и мухи не обидит» в блокнот, который для таких случаев всегда носил с собой.

Выходило, что последним из членов семьи с Лаурюсом общался отец. Хинрик работал водителем автобуса. Несколько лет назад он переехал в Акюрейри⁶ и теперь возил туристов на озеро Миватн. Как раз на севере он и виделся с сыном пару-тройку месяцев назад. Хинрик рассказал сотруднице полиции Акюрейри, что, по словам Лаурюса, тот приезжал туда с друзьями на какой-то концерт. Отец ничего не знал о подружках сына и не слышал о девушке, которая скончалась от передозировки в съемной комнате Лаурюса в Рейкьявике.

– А вы знакомы с теми, кто тогда приезжал в Акюрейри вместе с ним? – спросила представительница полиции.

– Нет, приятелей Ласси я не знаю, – сообщил мужчина. – Ну, кроме тех, что дружили с ним в детстве. А потом его занесло на кривую дорожку. Мы пытались ему помочь, но ничего у нас не вышло. Всего за какие-то пару лет Ласси совсем опустился, а вернуть его на путь истинный оказалось никому не под силу. Уж как его только ни лечили, к каким только специалистам мы ни обращались – все без толку. Его тяга к этой дряни победила. Сын воровал у нас деньги, а иногда и

⁶ Акюрейри – город на севере Исландии.

кредитки из бумажника вытаскивал. Братья поначалу помогали ему материально, но скоро заметили, что стоило одолжить ему денег, как он тут же спускал их на наркотики. Вот они и перестали давать ему в долг. Тогда Ласси перешел к кражам со взломом и грабежу. Однажды он сошел с парома «Норрайна» в Сейдисфьордюре⁷ с полными карманами наркотиков – а тут полиция. Его под белые рученьки и на полтора года в тюрьму.

– И даже после этого он не изменился?

– Я два или три раза ходил к нему на свидания в тюрьму, – ответил Хинрик, – и мне показалось, что Ласси стремится начать жизнь с чистого листа. Он даже за учебу снова взялся. Но только вышел на свободу, как опять покатился по наклонной. Тогда я понял, что ситуация безнадежная.

Женщина-полицейский записывала слова Хинрика.

– Но вы ведь не думаете, что он причинил какой-нибудь вред той несчастной девушке? – спросил мужчина с не меньшей тревогой, чем мать Ласси.

– Нам необходимо с ним побеседовать, – ответила сотрудница полиции. – Большого я вам сказать не могу.

В ожидании заключения патологоанатома полицейские пытались раздобыть информацию о передвижениях Лаурюса в предыдущие дни. Когда удалось наконец переговорить с хозяйкой комнаты в цокольном этаже дома, где и нашли труп, выяснилось, что она как раз собиралась выставить Ла-

⁷ Сейдисфьордюр – город на востоке Исландии.

урия вон по причине нарушения им правил проживания и из-за нескончаемых жалоб на его разнузданное поведение со стороны соседей.

Женщине было около шестидесяти лет, и она проживала в квартире на втором этаже того же дома. По ее словам, она сдала комнату Лауриусу, чтобы выручить его. Раньше она работала волонтером в «Красном Кресте», и ей доводилось иметь дело с оказавшимися в трудной жизненной ситуации молодыми людьми. Когда она разместила объявление о сдаче комнаты, именно такой молодой человек по имени Лауриус оказался одним из тех, кто приходил ее посмотреть. Он честно признался женщине, что недавно освободился из тюрьмы, где отбывал наказание за мелкие правонарушения. Хозяйка комнаты пожалела его, поскольку, будучи богобоязненной христианкой, не сомневалась, что вместо того, чтобы судить заблудшую овцу, лучше помочь ей вернуться в овчарню. Поэтому она и уступила Лауриусу комнату за небольшие, или, как она выразилась, адекватные деньги. Молодой человек, однако, не заплатил ей ни кроны. Каждый раз, когда хозяйка осведомлялась, почему арендная плата до сих пор не поступила на ее счет, он делал круглые глаза и вопрошал:

– Но как же так? Ведь я ходил в банк вчера!

Лауриус разыгрывал святую простоту так искусно, что можно было действительно подумать, что деньги не пришли из-за какой-то ошибки операторов банка. Затем он в очередной раз обещал, что решит проблему при первой возможно-

сти.

Еще хуже было то, что жилец превратил свою комнату в настоящий проходной двор, — личности всех мастей заявлялись к нему в гости в любое время дня и ночи. Будь на часах хоть три утра, они бесцеремонно и настойчиво жали на кнопку домофона, чтобы он пустил их в подъезд. Понятно, что такое положение дел крайне раздражало соседей, которые изливали свое недовольство на добросердечную хозяйку комнаты, поэтому ей в конце концов пришлось пообещать, что она попросит Лаурюса на выход в самое ближайшее время.

Тогда Ласси дал ей честное слово, что исправится, но вскоре принялся за старое, а через месяц его дружки устроили у подъезда такой мордобой, что пришлось вмешаться полиции, которая к тому времени уже перестала обращать внимание на жалобы соседей.

— Я даже не удивилась, когда в этом притоне нашли труп, — заявила полиции одна из соседок.

— Лучше б его самого прикончили, — добавил ее муж.

— А разве это не он убил девушку? — поинтересовалась его супруга.

Соседи не могли сообщить, как часто к Лаурюсу приходила Данни, да и вообще их особенно не интересовало, кто к нему заходил. Для них это были какие-то безликие фигуры, которые периодически спускались в полуподвал или поднимались из него. Все гости Лаурюса дымили как пар-

воз, так что по всему подъезду вплоть до верхнего этажа разносился отвратительный запах. Качественный американский табак еще куда ни шло, но те из жильцов, кто в этом мало-мальски разбирались, утверждали, что так пахнут наркотики. Или еще что похуже.

– Да там сплошь наркоманы, – поделился с полицией мужчина с третьего этажа.

Было достаточно взглянуть на комнату, чтобы понять, что он недалек от истины. Там было шагу не сделать, чтобы не наступить на бутылку из-под водки или смятую жестяную банку из-под пива, которые были разбросаны по всему полу вперемешку с типичными принадлежностями для приема наркотиков. Валялись там и шприцы с иглами, и упаковки из-под сильнодействующих лекарств. Некоторые из этих препаратов продавались в Исландии, а другие ввозились в страну нелегально.

– Несчастная девчонка, – сочувственно покачал головой мужчина с четвертого этажа.

– За что боролась, на то и напоролась, – заключила его жена.

Проворочавшись в постели до глубокой ночи и в очередной раз проиграв своей хронической бессоннице, Конрауд включил компьютер, чтобы посмотреть, что творится во всемирной паутине. Новостные сайты писали о министре, который оказался замешанным в скандале, связанном с предоставлением помощи албанским беженцам, а также о провалившихся переговорах, целью которых было решить трудовой конфликт по поводу зарплаты.

Язык новостей начала сентября тысяча девятьсот шестьдесят первого года был несколько иным, но по сути они не слишком отличались от нынешних: смертный приговор алжирским повстанцам, соглашение об экспорте сельди в СССР, некто, упавший в море на пристани в Акюрейри, но чудом спасшийся. В кинотеатрах шли повторные показы знаменитого фильма «По ком звонит колокол» в память о «безвременно ушедшем», как было написано в анонсе, Эрнесте Хемингуэе.

Самая крупная ежедневная газета опубликовала заметку о происшествии на Тъёднине. Помещенная в черную рамку, она содержала довольно скудную информацию. Некий молодой человек, проходя по мосту, обнаружил утонувшую в озере двенадцатилетнюю девочку. Об обстоятельствах трагедии было ничего не известно. Полиция предполагала, что гуляв-

шая в одиночестве девочка упала в воду и утонула, поскольку не умела плавать.

Три дня спустя в той же газете сообщалось, что в результате предварительного расследования полиция пришла к выводу, что смерть девочки не носит криминальный характер. Имя пострадавшей, а также имена ее родителей или других родственников не упоминались, что шло вразрез с общепринятой практикой, когда происходили несчастные случаи, подобные этому. Имя молодого человека, который обнаружил девочку, газетчики также опустили.

Конрауд продолжил блуждать по просторам Интернета. В последнее время значительное внимание уделялось новостям из блогов женщин, которые в определенный момент своей жизни (включая детские годы) подвергались сексуальным домогательствам или были изнасилованы. Все новые и новые свидетельства об актах насилия появлялись на таких веб-страницах практически ежедневно. Далеко не все из них являлись анонимными, а некоторые живописали факты в мельчайших гнусных подробностях. Хватало там и историй о насилии, совершенном с особой жестокостью, и о душевной боли, которая не переставая терзала несчастных жертв. В отдельных случаях называлось имя насильника, для того чтобы он, по выражению автора одного из блогов, «на собственной шкуре испытал, какой это стыд». Конрауд и подумать не мог, что так много женщин могут поделиться ужасными историями о своих отношениях с мужчинами. Разуме-

ется, за долгие годы работы в полиции, он не раз сталкивался с подобными случаями насилия, но до сих пор не отдавал себе отчета, насколько распространилось и внедрилось в повседневную жизнь это безобразное явление.

Выключив компьютер, Конрауд снова улегся в кровать и стал размышлять об Эйглоу. Они договорились увидеться на следующий день, но эта встреча не внушала ему ничего, кроме тревоги, поскольку Конрауду предстояло задать ей вопросы, которые не давали ему покоя, а Эйглоу могла воспринять их в штыки.

Погруженная в свои мысли, Эйглоу сидела в кафе в ожидании Конрауда. Из кухни доносился звон посуды, а большая итальянская кофемашина выпускала из себя струи горячего пара, но ее пыхтение тонуло в гуле голосов посетителей кафе. Это популярное заведение в самом центре города было вечно битком набито людьми, так что Эйглоу уже жалела, что не выбрала более спокойное и уединенное место. Наконец она увидела в окно, как к кафе подъехала машина, из которой вышел Конрауд и расплатился за стоянку, опустив несколько монет в паркометр. Через пару минут он уже сидел возле Эйглоу и заказывал себе кофе.

У нее осталось от Конрауда не самое лучшее впечатление после их первой встречи, когда он расспрашивал Эйглоу о своем отце и о его дружбе с Энгильбертом. Ответов на его вопросы она не знала и не испытывала особой радости от обсуждения с первым встречным превратностей судьбы Эн-

гильберта, который к тому же покинул этот мир столь трагическим образом. Эйглоу не говорила на эту тему ни с одним человеком – даже с собственной матерью. Они предпочитали обходить ее молчанием. Поэтому Эйглоу была немало удивлена, когда на ее пороге откуда ни возьмись появился Конрауд со своими расспросами о тех событиях. Она была совершенно не готова к такой беседе, и ей не оставалось ничего иного, кроме как развести руками. Однако во время их последующих встреч Эйглоу чувствовала себя уже менее напряженно, поскольку поняла, что Конрауд лишь пытается докопаться до истины, незнание которой мучает его уже не один год, – впрочем, как и ее саму.

Эйглоу не знала наверняка, сколько ему лет, догадывалась только, что он немного старше нее. Познакомившись с Конраудом поближе, она даже прониклась к нему симпатией и теперь чувствовала себя в его компании свободнее. Он казался ей человеком спокойным, уравновешенным и интересным. Конрауд был прямой противоположностью мужчины, с которым Эйглоу познакомилась пару лет назад, когда одна подруга решила свести ее со своим коллегой. Ей стоило сходиться с ним на свидание единственный раз, чтобы понять, насколько он невыносим. Дважды разведенный, он был загорелым, как головешка, и беспрестанно говорил о своих заграничных поездках, о гольфе, которым занимался в качестве хобби, и о доме во Флориде, который ему удалось вырвать из цепких коготков супруги номер два.

Они договорились с Конраудом встретиться после вчерашнего телефонного разговора, во время которого он упомянул о девочке, что утонула в Тьёднине. Эйглоу была настолько поражена, что даже не смогла удержать телефон в руках. Она сразу поняла, что это та самая девочка, которую она видела, когда ей было двенадцать лет.

Конрауд пообещал, что попробует разобраться с давним происшествием и выяснить, кем была та девочка. Эйглоу настоятельно просила его об этом, и он, видя, насколько она потрясена, естественно, согласился выполнить ее просьбу. Он заверил Эйглоу, что постарается получить информацию о ходе расследования и, если повезет, раздобыть соответствующие полицейские отчеты.

– Материалов по делу крайне мало, – сообщил Конрауд по результатам поисков в полицейских архивах. – Очевидно, все исходило из того, что произошла нелепая случайность. Никаких документов о вскрытии я не обнаружил, так что неизвестно, проводилось ли оно вообще. Вероятно, его посчитали излишним. Заключение врача я, однако, нашел – в нем говорится, что смерть наступила в результате утопления. Дальнейших действий по выяснению обстоятельств трагедии, судя по всему, не предпринималось. Дело закрыто.

– Как ее звали?

– Нанна.

– Нанна, – тихо повторила Эйглоу, словно для того, чтобы запечатлеть в памяти это имя. – А кто она?

– Самая обычная девочка. Родилась в Рейкьявике, ходила в школу в районе Ойстюрбайр. Отца у нее не было. Жили они с матерью на Скоулавёрдуюхольте⁸ – раньше там еще стояли бараки. Видимо, та женщина была одной из последних, кто оттуда съехал. Я поднял ее данные и выяснил, что она умерла много лет назад, а прежде работала в столовой при Национальной клинике. Она сожительствовала с мужчиной и информации о том, кто является отцом девочки, не раскрывала. Сын ее гражданского мужа проживал вместе с ними и был на несколько лет старше девочки. Отчим – если его можно таковым считать – был обычным работягой и, как мне удалось выяснить, приводов в полицию не имел. Он скончался лет десять тому назад. Его сын, однако, живет и здравствует, как и тот, кто обнаружил в озере труп девочки, – если, конечно, в отделе регистрации населения ничего не напутали. Тот человек уже на пенсии, он бывший учитель. Имя и возраст те же, что и в материалах дела, – тогда ему было девятнадцать лет, и показания он дал полиции весьма точные и подробные.

Пока Конрауд зачитывал ей документ, Эйглоу не проронила ни слова, а потом спросила:

– Значит, об отце Нанны ничего не известно?

– Можно предположить, что он был солдатом в военной зоне в Сюдюрнесе⁹. Ее мать родом из Кеблавика, и, насколько

⁸ Скоулавёрдуюхольт – возвышенность в центре Рейкьявика.

⁹ Сюдюрнес – регион в юго-западной части Исландии на полуострове Рейкья-

ко я понял, она была в положении, когда переехала в Рейкьявик. Кто знает, возможно, она стремилась избежать сплетен. Как бы там ни было, судя по документам, Нанна родилась здесь.

— Однако в наши дни выяснить подобные вещи гораздо проще, разве нет?

— Вероятно, так оно и есть, — кивнул Конрауд. — Сейчас такие изыскания — обычное дело. А почему ты спрашиваешь? В связи с чем, вас так интересует эта девочка?

— Когда мне было двенадцать лет, меня пригласила на день рождения одноклассница, — сказала Эйглоу. — Получается, тогда прошло уже два года после смерти Нанны. Именинница жила на улице Бьяркаргата — недалеко от Тьёднина. Помню, что в тот день мне было не по себе. Мне иногда, знаете ли, случается видеть тени тех, кого уже нет среди нас. Такое происходит, когда я меньше всего этого ожидаю, и временами я даже не отдаю себе отчета, что передо мной призрак. Так вот: на том дне рождения была Нанна. Я уверена, что сгусток психической энергии, которую я почувствовала тогда, принадлежал именно ей. У меня это был чуть ли не самый первый эзотерический опыт, и он погрузил меня в состояние какого-то необъяснимого уныния и слабости. О случившейся с Нанной трагедии я ничего не знала. Летом шестьдесят первого года мы с мамой гостили у наших род-

ственников в Киркюбайярклёйстюре¹⁰. Мы находились там до самой осени, пока не закончились каникулы.

– А недавно Нанна снова тебе явилась?

Эйглоу кивнула:

– Недалеко от Бьяркаргата – в парке Хлёумскаулагардюр. Я как раз шла короткой дорогой в Центр скандинавской культуры и вдруг вижу – возле скамейки стоит девочка и так жалобно на меня смотрит. Я задержалась на ней взглядом буквально на секунду, а потом отступила в сторону, чтобы пропустить человека, который шел мне навстречу. Когда же я снова обернулась – девочки как не бывало. Но я узнала ее. Я вспомнила, что уже видела ее раньше, и не сомневалась, что ее давным-давно нет в живых.

¹⁰ Киркюбайярклёйстюр – деревня на юге Исландии.

Итальянская кофемашина вновь запыхтела, а гудение голосов зазвучало на октаву выше. Эйглоу в очередной раз укорила себя за то, что не выбрала заведение поспокойнее.

– Так что там насчет ее куклы? – спросил Конрауд. – Ты говорила, что девочка вроде как искала куклу.

– У меня просто возникло такое ощущение, – ответила Эйглоу. – Не знаю, откуда оно взялось. Мне показалось, что она разыскивает свою куклу.

– Человек, который заметил, а потом поднял ребенка из Тьёднина, рассказал, что сначала увидел в озере куклу. Ее он тоже достал из воды и лишь потом обратил внимание, что на поверхности плавает еще какой-то предмет.

– Их с куклой разделили.

– Ну да, предполагалось, что девочка уронила куклу и попыталась извлечь ее из воды. Разумеется, сейчас можно лишь строить догадки, но полиция посчитала, что события скорее всего так и развивались.

– А возможно, Нанна выпустила куклу из рук, когда пыталась спасти свою жизнь, оказавшись в воде, – произнесла Эйглоу.

– По твоему мнению, существует какая-то особая причина, по которой она тебе явилась? – осведомился Конрауд. – Есть что-нибудь, что вас связывает?

– Насколько я знаю, нет. Но может, и есть некая связь, которая мне неизвестна. Ты побеседуешь с теми людьми?

– С кем?

– С теми людьми, что фигурируют в полицейских отчетах.

– Да вообще-то не собирался, – покачал головой Конрад. – А для чего мне с ними беседовать?

– Для меня.

– Ну, я не знаю... это ведь просто несчастный случай. С кем мне беседовать?

Некоторое время Эйглоу не произносила не слова, глядя на проходящих за окном людей.

– Ну разумеется, ты же мне не веришь, – наконец вздохнула она.

– В каком смысле не верю?

– Вокруг Нанны какая-то скверна. Ей нехорошо... Но ты, видимо, не веришь ни единому моему слову?

– Дело не в том, верю я или нет, Эйглоу. Полагаю, что ты не сомневаешься в своих способностях и веришь в то, что видишь, переживаешь или чувствуешь. И это прекрасно. Я в подобных вещах полный профан. Надеюсь, ты не воспримешь мои слова как проявление неуважения к тому, что тебе так близко...

– Значит, ты не хочешь во всем разобраться?

– А какие у меня для этого основания? Прости за прямоту, но думаю, что никаких.

– То есть никакой надежды на то, что у тебя возникнет

желание узнать, куда она подевалась, нет? – после недолгого молчания спросила Эйглоу.

– Кто она?

– Кукла.

– Кукла?.. Нет. Да это наверняка и невозможно – где ее теперь искать? Ты что, полагаешь, что она еще существует?

– Не я, – ответила Эйглоу, не сдаваясь перед скептическим отношением Конрауда. – Видимо, это она так полагает – Нанна.

Конрауд не нашелся с ответом.

– Ты совсем не испытываешь любопытства? – продолжила говорить Эйглоу.

– Нет.

Кофемашина закричала, и из нее поднялась струя горячего пара.

– Ну ладно, мне пора, – начала подниматься из-за стола Эйглоу – вероятно, больше причин, чтобы оставаться в кафе, она не видела.

Глядя на нее, Конрауд подумал, что она наверняка унаследовала характер своего отца. В молодые годы Энгильберт мечтал стать актером и принимал участие в спектаклях дома культуры, что располагался у Тьёднина. Судя по тому, как ему удалось поднять психологизм спиритических сеансов на качественно новый уровень, драматического таланта ему было не занимать. Если верить отцу Конрауда, во время сеансов Энгильберт исполнял роль медиума так самозабвенно,

но, будто выступал в качестве персонажа знаменитой классической пьесы. Ему было достаточно продемонстрировать небольшую частицу своего дара, чтобы погрузить легковых завсегдатаев сеансов в атмосферу, схожую с той, что царит в театре, когда на сцене разыгрывается великое драматическое произведение. При условии, разумеется, что и сами участники этого своеобразного представления были обманываться рады, – некоторые из них приходили вновь и вновь, что упрощало работу отца Конрауда. Иногда ему даже случалось подсылать на сеанс кого-нибудь из своих приятелей, чтобы тот брал на себя роль безутешного вдовца, благодарного за оказанную ему услугу, а остальные участники лишний раз убеждались в выдающихся способностях медиума связываться с потусторонним миром.

Это надувательство доверчивых сограждан приносило парочке немалый доход – в годы войны люди располагали лишними средствами, и, по словам отца Конрауда, он никогда не видел так много банкнотов, как в тот период. Однако в дальнейшем он настолько уверился в себе, что потерял бдительность, поэтому в один прекрасный день зерна сомнения дали всходы, и стало очевидным, что их с Энгильбертом спиритические сеансы – это не более чем беззастенчивая постановка. Газеты запестрели сенсационными заголовками о шарлатанах от спиритизма, и на репутации ясновидящего был поставлен жирный крест. Отцу Конрауда же не оставалось ничего иного, как, сохраняя хорошую мину при плохой игре,

подыскивать себе новое занятие.

– Вообще-то, мне хотелось переговорить с тобой еще кое о чем, – сказал Конрауд, удерживая Эйглоу за руку. Она была явно раздражена, и он сознавал, что тут есть и его вина: сомнение, с которым он воспринял все, что она говорила, задело Эйглоу за живое, и чтобы вернуть ее расположение, было недостаточно просто продолжить беседу как ни в чем не бывало. Конрауду было необходимо коснуться одной деликатной темы, но он пока не решил, с какой стороны к ней лучше подобраться. Он только знал, что ждать дольше не может.

– И о чем же?

– О наших отцах, – произнес Конрауд. – О том, что тебе рассказала та женщина.

– О том, что их видели вместе?

– У тебя есть какие-либо догадки касательно того, чем они занимались? Я понимаю, что мы все это уже обсуждали, но теперь появилась эта новая информация.

– Я бы не стала придавать большого значения тому, что она говорила. Их видели вместе – и на этом все. Маульфридюр не смогла вспомнить, где она об этом услышала и от кого, и почему вообще была затронута эта тема. Возможно, они встретились случайно – просто столкнулись на улице, и за этой встречей ничего не стоит.

– Ну да, разумеется, – проговорил Конрауд. – Вероятно, не следует здесь искать каких-то потаенных смыслов, но меня продолжает мучить один вопрос, который, я полагаю, луч-

ше обговорить с тобой: ты как-то сказала, что Энгильберт весьма расстроился, узнав о смерти моего отца.

– Да, это так. Мама рассказывала мне, что он сделался очень нервным и даже стал бояться темноты – вплоть до того, что с наступлением сумерек не осмеливался находиться в комнате один. Я ведь тебе уже говорила, что отец был очень чувствительным.

– Возможно ли, что существовала какая-то иная – более весомая – причина, которая могла бы объяснить его нервозность и о которой ты с твоей мамой не были осведомлены?

Эйглоу вопросительно подняла брови:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты же говорила, что Энгильберт нелестно отзывался о моем отце, – что тот был пьяницей и пройдохой, по милости которого он ввязался в темные дела и впоследствии горько об этом пожалел. Я посчитал само собой разумеющимся, что он намекал на их совместную деятельность во время войны.

– Ну да.

– А что если он имел в виду нечто, случившееся позднее?

– Я тебя не понимаю.

– Мой отец оставил после себя коллекцию газетных вырезок с заметками об эзотерических практиках. Опубликованы они были незадолго до его смерти – следовательно у него вновь проснулся интерес к этой теме спустя годы после того, как они сотрудничали с Энгильбертом во время войны.

Насколько я знаю, тот являлся единственным экстрасенсом, с которым был знаком и когда-либо имел дело мой отец. А теперь выясняется, что их видели вместе незадолго до того, как отца убили. Если сложить все эти факты воедино – газетные статьи, реакцию Энгильберта, то, как он отзывался об отце и обвинял его во всех грехах...

– Ты на что намекаешь?

– Как ты полагаешь, твой отец был способен на нечто подобное?

– Ушам своим не верю! – возмутилась Эйглоу. – Ты что же, думаешь, что это моего отца рук дело?

– Не сердись, Эйглоу, я всего лишь пытаюсь найти ответы. Прошло столько времени, особых свидетельств у меня не имеется, и...

– Ты думаешь, что это мой отец схватился за нож и зарезал твоего отца?! Вот так взял и убил его?

– Я просто говорю, что полиция такой версии не рассматривала. Но теперь нам известно, что они предположительно снова...

– Ну это уж, знаешь ли, не намеки, а прямое обвинение моего отца в убийстве!

Буквально трясаясь от злости, Эйглоу вскочила на ноги, с грохотом опрокинув стул. Некоторые посетители кафе обернулись на шум.

– Я рассказала тебе об отце, потому что доверяла тебе!.. – прошипела она, устремляясь к выходу. – Я тебе доверяла!

Поднявшись, Конрауд подошел к стулу, ухватил его за спинку и поставил на место. Затем он расплатился за кофе и покинул заведение. По пути к машине он клял себя за опрометчивые слова и размышлял, как бы ему вернуть расположение Эйглоу. Когда Конрауд усаживался за руль, ожил его мобильник. Номер был ему известен, однако отвечать он не спешил и принял вызов лишь спустя несколько гудков. Звонила бабушка Данни. Она спросила, не помешала ли, на что Конрауд из вежливости ответил, что нет. Он посчитал, что ему стоит быть потактичнее с людьми после того, что произошло в кафе. Он собрался было поинтересоваться, все ли у них в порядке, но вовремя одернул себя – подобный вопрос был совсем не к месту. В той семье все было далеко не в порядке.

Женщина сразу перешла к делу:

– Вы не знаете, вышла ли полиция на след того парня?

– Парня?

– Ласси, я имею в виду.

– Нет, я ничего такого не слышал, – сказал Конрауд. – Но его скоро найдут. Я так понимаю, что полиция прилагает все усилия, чтобы выяснить его местонахождение.

– Боюсь, что полиции совсем не до этого, – вздохнула женщина. – Она полагает, что Данни превысила дозу наркотика

и ни о каком преступлении речи не идет. Как по-вашему – расследование будет прекращено?

– Не могу знать, – осторожно ответил Конрауд – он старался во что бы то ни стало избежать очередной перепалки и намеревался как можно деликатнее посоветовать женщине обратиться напрямую к полицейским.

– Нам бы очень хотелось поговорить с тем человеком, – продолжала женщина. – О Данни, ну и обо всем остальном.

– Вы полагаете, что он имеет какое-то отношение к тому, что Данни ввезла в страну наркотики?

– Ну да, об этом тоже хотелось бы его расспросить.

– Вам следует обсудить это с полицией, – сказал Конрауд, подыскивая повод, чтобы поскорее закончить разговор. – Ласси найдут – это лишь вопрос времени.

– Вы не возражаете против того, чтобы заехать к нам? – спросила женщина. – Во всей этой истории мы в первую очередь доверяем вам – Эртна всегда так хорошо о вас говорила.

– Эртна?

– Знали бы вы, как она вами гордилась.

Конрауд не нашелся с ответом – женщине удалось несколько выбить его из равновесия.

– Мы тут кое-что обнаружили и хотели бы вам это показать, – продолжала женщина. – Вопрос деликатный, и мы подумали, что лучше бы посоветоваться с вами.

– А что вы обнаружили? – заинтересовался Конрауд.

– Предпочитаю вам это показать, когда вы к нам загляне-

те.

Конрауд не сумел сразу придумать причину, чтобы отклонить приглашение и не показаться чересчур резким, — он все еще не отошел от размолвки с Эйглоу. Поскольку пауза затянулась настолько, что стала неловкой, он все же пообещал, что заедет к ним попозже, ну или по крайней мере как только выкроит время.

Конрауд сделал кое-какие заметки, когда просматривал материалы дела об утонувшей девочке: в частности он записал имя ее матери, а также отчима и его сына. Кроме того, у него имелось имя и последний адрес человека, обнаружившего труп в Тъеднине. Вообще-то, этой информацией он воспользоваться не собирался, но теперь подумал, что она может ему пригодиться, чтобы навести мосты с Эйглоу, которая оскорбилась тем, что он не воспринял всерьез ее рассказ о том, что произошло много лет назад на дне рождения ее одноклассницы, а также о том, что ей недавно привиделось в парке Хлёумскаулагардюр. В довершение всего Конрауд еще и обвинил ее отца в ужасном преступлении. Снова и снова прокручивая в голове их беседу, он лишний раз убеждался в том, что всему виной стала его собственная неделикатность. Ему вообще не стоило поднимать определенных тем.

С такими мыслями Конрауд вел автомобиль в направлении своего дома в восточной части города, однако по пути он затормозил перед одним таунхаусом и, выйдя из машины, нажал на кнопку звонка, надеясь застать хозяина, несмотр-

ря на то, что стояла середина дня. На звонке значилось имя Лейвюр Дидриксон. Еще просматривая полицейские отчеты, Конрауд обратил внимание на то, что ему уже приходилось слышать это имя, хотя он и не мог вспомнить где.

Он собирался позвонить еще раз, когда дверь открылась и на пороге появился человек с бородой и косматыми седыми волосами в клетчатой рубашке, как у рабочих, и в поношенных тапках из свалывшейся шерсти. Он вопросительно смотрел на Конрауда отрешенным и усталым взглядом того, кто с годами растерял жизненную силу. Представившись и удостоверившись, что перед ним тот самый Лейвюр, Конрауд принялся пространно объяснять ему цель своего визита, а когда добрался наконец до сути и упомянул об утонувшей в озере девочке, на лице Лейвюра отразилось немалое удивление – тот явно не ожидал, что кому-нибудь взбредет в голову расспрашивать его о случае на Тъёднине спустя столько лет. Однако помимо растерянности на его лице читалось и любопытство.

– А с чего вдруг вы этим заинтересовались? – спросил Лейвюр. – Вы, говорите, из полиции?

– Нет, я не из полиции. Я прослужил в ней много лет, но сейчас я на пенсии. Я зашел к вам как частное лицо.

– Но ведь это давний случай. С какой целью вы решили меня о нем расспросить? Выяснились какие-то новые детали?

– Да нет, я просто изучал полицейские архивы и наткнул-

ся на то дело. Поскольку в материалах указано ваше имя, я решил нанести вам визит, раз уж вы тот, кто обнаружил девочку в Тъёднине.

– Это была чистая случайность, – объяснил Лейвюр. – Я прогуливался по мосту и... Но я, честно говоря, не совсем понимаю...

– Если быть откровенным, этот случай интересует одну мою подругу, – уточнил Конрауд. Он надеялся, что ему не придется упоминать имени Эйглоу, вдаваться в подробности ее экстрасенсорных способностей и сообщать Лейвюру о призраке девочки, который, по ее мнению, до сих пор блуждает в окрестностях озера. Однако Лейвюр не собирался удовлетворяться такими поверхностными объяснениями:

– А почему?

– Она немного особенная.

– В каком смысле?

– Она медиум, – сдался Конрауд, – и утверждает, что девочка явилась ей в парке Хлёумскаулагардюр.

– Вот как?

– Сам-то я в привидения не верю, – сообщил Конрауд, – но случай с девочкой пробудил мое любопытство, и я решил заехать к вам. Надеюсь, не отвлекаю вас от дел.

В очередной раз измерив его взглядом, Лейвюр Дидриксон все-таки пригласил Конрауда войти в дом и поинтересовался, кто же та ясновидящая, о которой он говорит. Тот ответил, что его знакомая уже давно оставила занятия спии-

тизмом, поэтому ее имя не на слуху, однако в связи с необычностью произошедшего с ней, у него тоже возникло желание разобраться что к чему.

Лейвюр провел Конрауда в гостиную, переоборудованную в кабинет. В комнате не имелось ни единого уголка, где бы не лежали книги, журналы или газеты вперемешку с исписанными вручную бумагами и письмами. На столе гудел большой компьютер с включенным монитором. На полках плотно теснились книги, пробежав по корешкам которых глазами, Конрауд обнаружил сборники стихов, биографии, романы исландских авторов, тома, посвященные народной культуре.

– Прошу прощения за бардак, – извинился Лейвюр, усаживаясь за стол. – С тех пор как я закончил преподавать, все время даю себе обещание навести здесь порядок, но воз, как видите, и ныне там.

– Вы долго преподавали?

– Да всю жизнь, – ответил Лейвюр, и в его голосе Конрауду послышалось сожаление. – В основном исландский и литературу старшеклассникам. Уровень образованности с тех пор значительно снизился – молодежь почти перестала читать или писать. Ни малейшего понятия о прозе – и уж тем более о поэзии. Раньше ученики писали стихи – и не только о природе и о погоде, но и об атомных бомбах, и о Вьетнаме.

На злобу дня. А теперь только рэперы со всякой пошлятиной.

В этот момент Конрауд внезапно вспомнил, откуда ему известно имя Лейвюра, – тот и сам являлся поэтом, правда, в последние годы ничего не публиковал. Конрауду пришел на ум его стихотворный сборник, выпущенный в шестидесятые и вызвавший немалый интерес к молодому автору. Это была его вторая публикация, после которой вдохновение, судя по всему, его покинуло. Конрауд также вспомнил, что много лет назад читал интервью Лейвюра, где тот говорил о творческом застое и о самокритике, необходимой для написания литературного произведения.

Конрауд вновь перевел тему их беседы на происшествие на Тьёднине, на что Лейвюр заметил, что все его участие сводилось к тому, что он обнаружил в озере девочку и вынес ее на берег. Убедившись, что ее уже не спасти, он бросился на соседнюю улицу и, постучавшись в один из домов, сообщил о своей находке хозяевам, которые вызвали полицию. После незапланированного погружения в ледяную воду Тьёднина у него зуб на зуб не попадал от холода, поэтому те люди попытались хоть как-то его согреть, после чего он, завернувшись в одеяло, стоял вместе с ними возле трупа до приезда полиции. Лейвюр дал показания, пояснив, как он сначала заметил в воде куклу, а потом и девочку. Тело последней увезла машина «Скорой помощи», а немного погодя место происшествия покинула и полиция. У озера скопилась небольшая кучка людей, которая, однако, довольно скоро рассосалась, а в следующий момент Лейвюра уже вез домой сотрудник по-

лиции на патрульной машине. И на этом все.

– Все закончилось в мгновение ока, – сказал Лейвюр. – Так же быстро, как и началось.

– Вероятно, для вас это явилось крайне неприятным опытом – вы ведь были так молоды.

– Мне... мне, честно говоря, потребовалось немало времени, чтобы восстановиться, – признался Лейвюр. – Вы абсолютно правы – мне пришлось пережить крайне неприятные моменты. Такая юная девочка – и такой ужасный конец. Случись это в наши дни, мне бы наверняка предложили психологическую поддержку. А тогда я по ночам глаз сомкнуть не мог – мучился, размышляя, что все, вероятно, могло быть иначе, не засидись я тогда в кафе «Мокка». Уйди я из него пораньше, возможно, я смог бы спасти девочку. Естественно, такие мысли преследуют человека, пережившего нечто подобное, верно ведь? Я, вообще-то, никогда и ни с кем это не обсуждал.

– Ну да, в наши дни вам назначили бы психолога, – кивнул Конрауд.

– Вот и я о том. Знаете, в те годы я посвящал себя поэзии, но после случившегося мне потребовалось долгое время – и немало усилий – чтобы вновь обрести вдохновение.

– На теле следов насилия обнаружено не было, верно? – спросил Конрауд, переводя разговор от мук творчества на более практические рельсы.

– Да нет. Я по крайней мере ничего такого не заметил.

Как вы знаете, лето шло к концу, и на девочке было легкое платье и гольфы.

– А вы не обратили внимание на что-нибудь необычное, когда прогуливались там? Может, кто-то проезжал мимо или проходил?

– Нет. Ничего особенного там не происходило. Какая-то машина проезжала по Скотхусвегюр, да еще на Соулейяргата я заметил пешехода. Потом мне навстречу еще кто-то проходил – тот человек смотрел прямо перед собой, по сторонам не оглядывался. Вот в общем-то и все.

– А вы об этом полиции рассказывали? – поинтересовался Конрауд – в полицейских отчетах никакой информации о проходивших мимо людях не было.

– Думаю да. А вообще, я не уверен – не помню точно.

– Он прошел мимо вас на Скотхусвегюр? Тот человек, о котором вы упомянули.

– Да, он направлялся в восточную сторону. Я его толком и не разглядел – был погружен в свои мысли.

– А сколько ему могло быть лет, по-вашему?

– Даже не предполагаю – в лицо-то я ему не заглядывал. Он был в плаще и шляпе.

– Средних лет?

– Ну да, наверное. Я же был совсем молод... В те времена все люди среднего возраста или постарше казались мне одинаковыми – в плащах и шляпах.

– Ну да. А тот, которого вы заметили на Соулей-яргата?

– Там я вообще только силуэт различил. Ну пешеход, и пешеход.

– Понятно.

– Потом она еще захотела познакомиться со мной, – сказал Лейвюр.

– Кто?

– Ее мама. Мама Нанны, я имею в виду. Девочку ведь так звали? В полиции у меня спросили, не хочу ли я с ней встретиться. Вернее, даже не спросили, а чуть ли не потребовали, чтобы я с ней встретился. Но я ведь даже не знал, о чем мне с ней говорить.

– И как же вы поступили?

– Ну, я сходил к ней, – ответил Лейвюр. – На Скоулавёр-дюхольт.

Он сообщил полицейским свой домашний адрес и номер телефона на случай, если им потребуется от него дополнительная информация. Двое его братьев уже жили отдельно, а он пока обитал в родительском доме. Его мать была домохозяйкой, а отец владел оптовой фирмой, которая приносила неплохой доход. Проживали они неподалеку от центра Рейкьявика, и он ходил в ту же школу, которую ранее посещали его братья. В полдень его отец приходил домой, где его ждал обед, а по вечерам к его приходу был накрыт ужин. После еды отец иногда проводил время за бриджем со своими друзьями, а мать, приготовив для гостей закуски, отправлялась на курсы кройки и шитья или в женский спортклуб. Оба супруга являлись активными участниками сообщества «Оддфеллоуз»¹¹. Они и предположить не могли, что их младшему сыну – самому покладистому из троих детей, мечтателю и книголюбу – выпадет жуткая участь обнаружить в Тьёднине труп двенадцатилетней девочки.

Лейвюру позвонили из полиции уже на следующее утро: мать девочки выразила желание с ним встретиться, чтобы поблагодарить его за равнодушие, ну и, конечно, из первых уст услышать об обстоятельствах, при которых он обна-

¹¹ «Оддфеллоуз» («Чудаки») – общество взаимопомощи с тайным ритуалом масонского типа.

ружил ее дочь. Женщина жила в одном из барakov на Скоулавёрдуюхольте, и, сообщив Лейвюру его номер, звонивший полицейский пояснил, что в том квартале осталось совсем мало жителей, – большинство перебрались в более респектабельные районы. Нет, полиция его туда сопровождать не будет – у нее и без того дел невпроворот.

Идти Лейвюру не особенно хотелось. В квартале барakov он ни разу не бывал, и знакомых у него там не водилось. Он по-прежнему не мог избавиться от пережитых днем ранее болезненных эмоций: перед его взором все еще стояла темная поверхность воды, а руки ощущали холод безжизненного тела. Он пытался забыть все как страшный сон, но признавал, что так скоро ему это не удастся.

Мать увещевала его сходить к несчастной женщине и даже вызвалась сопровождать его или отправить с ним отца. Лейвюр, однако, от ее предложения отказался: он может сходить и один – визит вряд ли займет много времени. Чтобы добраться до барачного поселка на холме ему потребовалось около двадцати минут. Лейвюру нередко доводилось проходить мимо прежних военных зон, где стояли сборно-разборные ниссеновские бараки¹², и он видел, в какой нищете там прозябают люди, хотя некоторые из них и старались поддерживать свое нехитрое жилье в более-менее приличном со-

¹² Ниссеновский барак – сборно-разборный барак полуцилиндрической формы из гофрированного железа; во время Первой мировой войны использовался в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки; назван по имени автора конструкции – подполковника П. Ниссена.

стоянии. Те бараки, что выстроились на Скоулавёрдюхольте, выглядели совсем уж жалкими – ни о каком текущем ремонте там явно и речи не шло.

Отхожие места в беспорядке располагались прямо на улице. Позади некоторых бараков были пристроены дощатые сараи, а кое-где под навесами имелись колонки, на которые люди ходили за водой, поскольку в самих бараках водоснабжение, естественно, отсутствовало. В нос Лейвюру ударил запах гари, поднимающийся из дымоходов. К нему примешивалась вонь от нечистот и плесени. Две крысы, проскользнув прямо у его ног, скрылись под проржавевшей бочкой. Кварталы, служившие в свое время пристанищем для солдат, постепенно исчезали – времена менялись, и совсем скоро таким барачным поселениям было суждено кануть в Лету. В постройках, что находились в самом плачевном состоянии, уже никто не жил, так что на Скоулавёрдюхольте оставалось лишь несколько бараков, где обитали последние городские маргиналы.

На некоторых лачугах были намалеваны цифры, обозначавшие их номера. На передней стене одного из бараков Лейвюр с трудом разглядел цифру 9 – белая краска, которой ее нанесли, совсем облупилась, так что девятка была едва различима. На двери, в которую постучал Лейвюр, зияла трещина. Ему никто не отворял, и, постояв в нерешительности пару мгновений, он слегка толкнул створку и вошел внутрь.

В глубине барака висела занавеска, видимо, отделявшая

спальное место от остального помещения. Из-за нее выглянула женщина лет тридцати, которая, заметив Лейвюра, слегка вздрогнула. На ней было платье и шерстяной свитер, поверх которого она надела безразмерный, замызганный передник. Лицо женщины было заплаканным. Представившись, Лейвюр сообщил, что его просили зайти в этот барак.

– Так это ты нашел Нанну? – спросила женщина, проведя рукавом свитера по глазам.

Он кивнул.

– Спасибо, что заглянул, – продолжила хозяйка. – Я и не надеялась, что ты придешь, но мне хотелось поблагодарить тебя за дочку.

– К сожалению, ничем ей помочь я не мог, – ответил Лейвюр. – Окажись я там раньше, возможно, и увидел бы, что произошло.

– Значит, ты ничего не видел? – спросила женщина.

– Нет, увы, я...

– Мне сказали, что дочка оказалась в воде незадолго до того, как ты ее заметил, вот я и подумала, что ты, может, что-нибудь да увидел. Может, еще до того как она упала в озеро.

– Нет, мне очень жаль. Я вам... очень сочувствую. Мне неизвестно, что произошло с вашей дочерью.

Я сразу же бросился в воду, едва заметил ее, но увы... было уже слишком поздно. К несчастью.

– Ума не приложу, что ей там понадобилось, – всхлипнула мать Нанны, вытирая нос подолом фартука. Она была очень

худая — кожа да кости — с бледным как полотно лицом и глазами немного навывкате. — Даже не представляю, почему она оказалась у Тъеднина. И к тому же одна... Я расспросила ее подружек из здешних барачков — они говорят, что дочка играла с ними вчера днем тут, в нашем квартале. А что случилось потом, они не знают. И зачем она, скажи на милость, пошла в центр? Вообще не помню, чтобы она хоть раз ходила играть к озеру. Что ее туда привело?

Женщина опустилась на дышащий на ладан стул. Безутешная в своем горе, она находилась в доме одна, и Лейвюр задался вопросом, где был ее муж и кто еще мог бы подставить ей плечо в этот скорбный час. Было заметно, что она пытается поддерживать в этом бараке хоть какую-то видимость человеческого жилья: на окнах висели занавески, а на ледяном полу были расстелены половики. С потолка, испещренного пятнами плесени, свешивались две лампочки в абажурах.

— Мне тебя даже нечем угостить.

— Ничего не нужно, спасибо.

— Я стала беспокоиться, когда наступил вечер, а дочка так и не вернулась, — продолжила женщина. — Днем еще куда ни шло — дети здесь играют на улице, пока не начинает темнеть, и волноваться, в общем-то, не о чем — особенно летом. Ребята у нас хорошие. Однако было совсем не похоже на Нанну гулять допоздна, даже не предупредив меня. Вот я и вышла ее поискать, но нигде не нашла. А потом я краем уха услы-

шала, что на Тъёднине случилось какое-то происшествие, но что там конкретно происходило, никто из местных не знал. У меня закружилась мысль, что, вероятно, это с Нанной что-нибудь неладное, и я тут же позвонила в полицию. Оказалось, что полиция уже в курсе того, что я разыскиваю дочь, поскольку тот, с кем я говорила по телефону, спросил действительно ли Нанна пропала. А следующее, что мне сообщают, это что моя девочка уже в морге Национальной клиники.

Женщина горько разрыдалась, а Лейвюру не оставалось ничего иного, кроме как в смущении переминаться с ноги на ногу у входной двери, – как реагировать на эмоции несчастной женщины, он даже не представлял. Больше всего ему хотелось поскорее покинуть это унылое место.

– Она ведь у меня была такая дюймовочка, – снова заговорила мать Нанны. – Тоненькая, как тростинка. Я родила ее недоношенной. Ела она, как птичка. Да и потчевать мне ее было особо нечем, до тех пор пока я не устроилась работать в клинику, – вот оттуда я уже стала приносить кое-какой провиант.

Лейвюр опять не нашелся с ответом. Он молча глядел на ту самую куклу, которую заметил под мостом накануне. Теперь она лежала на столе, у которого сидела женщина. В следующий момент она взяла куклу в руки, расправила ей платье и погладила по спутанным волосам.

– Мне сказали, что озеро в том месте не так и глубоко. А вот для моей девочки оно оказалось даже слишком глубо-

ким. Для своего возраста она была совсем крохотной. Нанне уже двенадцать лет исполнилось, а она все никак не хотела расставаться с этой поломанной куклой. Просто удивительно. Не брошу ее, говорит, и все тут...

Несколько мгновений Лейвюр сидел неподвижно, а потом выкопал из завалов на своем письменном столе курительную трубку и принялся набивать ее табаком из лежавшей тут же пачки.

– Это был один из самых тяжелых моментов, что мне пришлось пережить, – проговорил он. – Вся эта атмосфера безнадёжности и убитая горем женщина... Она ломала голову над тем, что могло произойти с ее дочерью, и не находила ответа. У нее не было никаких предположений насчет того, почему жизнь ее ребенка оборвалась столь трагично.

– А потом вы с ней еще встречались? – спросил Конрауд.

– Нет, не встречались. Я ее больше ни разу не видел. Вероятно, ее уже нет в живых?

Конрауд кивнул.

– После трагедии она уехала из города, – объяснил он. – В свой родной Кеблавик. Насколько я знаю, с тех пор она жила одна и скончалась уже довольно давно.

– А что говорит эта ваша знакомая-экстрасенс? – поинтересовался Лейвюр, и по его тону было件нятно, что он думает о таких, как Эйглоу, – для него они являлись обычными шарлатанами. – Девочка ей все не дает покоя?

– Да нет, – ответил Конрауд. – По ее словам, девочке нехо-

рошо: вокруг нее какая-то скверна. Для меня, как я вам и говорил, все эти измышления из области фантастики – темный лес.

– Девочке нехорошо, – протянул вслед за ним Лейвюр, даже не пытаясь скрыть пренебрежения. – Ну а как ей еще может быть? Вот такие они все и есть, эти медиумы. Ничего кроме банальностей от них не услышишь.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Конрауд. – Моя знакомая – человек очень честный.

– Ну безусловно, честнее не бывает. Никаких сомнений, – саркастически заметил Лейвюр.

– А еще вам что-нибудь запомнилось о вашем посещении Скоулавёрдуюхольта?

– Да вроде нет. Единственное... мне показалось, что когда мать Нанны говорила о том, что девочка мала для своего возраста, она имела в виду и ее когнитивное развитие.

– Вот как?

– Да, такое у меня сложилось впечатление.

– Действительно, для двенадцатилетнего ребенка она слишком уж была привязана к своей кукле.

– Вот именно.

Конрауд молчал, не будучи уверенным, как продолжать этот разговор. Ему хотелось спросить еще кое о чем, но он почему-то не решался. В спиритических сеансах он никогда не участвовал, в призраков не верил и воспринимал истории о привидениях лишь в качестве фольклорного жанра – плода

воображения людей, что обитали в незапамятные времена на хуторах. Ну разве есть место таким рассказам в современном мире научно-технического прогресса? И под каким еще углом он должен рассматривать подобные вещи, если не с точки зрения полицейского, который обладает трезвым рассудком, руководствуется исключительно фактами и ко всему относится скептически, пока не убедится в обратном на собственном опыте? Именно поэтому ему и было так нелегко сформировать свой следующий вопрос.

И все же, после долгих колебаний, он наконец произнес:
— А вы не знаете, какая участь постигла в конце концов ту куклу?

Сиротливого вида сарай на Ватнслейсюстрёнде¹³ располагался так близко к морю, что было слышно, как волны разбиваются о прибрежные скалы. На полу сарая лежал полностью обездвиженный молодой человек – он был накрепко примотан скотчем к валявшемуся на боку раскуроченному стулу. Его голова была вся в крови, лицо превратилось в один сплошной синяк, а три пальца на руке были сломаны. Все это, наряду с другими увечьями, ясно свидетельствовало о том, каким жестоким пыткам его подвергли. Запах керосина, которым его облили в области паха, смешивался с соленым ароматом морской воды, а его стенания потонули в какофонии криков кружащих над сараем птиц и в шуме волн, что накатывали на покрытый лавой берег и рассыпались на миллионы брызг, ударяясь об утесы.

У молодого человека открывался только один глаз, второй заплыл настолько, что, казалось, будто он запечатан. Каждая клеточка его тела стонала от боли. Примотанный скотчем к опрокинутому на пол стулу, он вряд ли смог бы рассмотреть обстановку во всех подробностях, даже если бы видел обоими глазами. Он не имел ни малейшего понятия, где находится, – напав на него в окрестностях Хабнарфьордю-

¹³ Ватнслейсюстрёнд – отрезок берега (15 км) на полуострове Рейкьянес примерно в 30 км от Рейкьявика.

ра¹⁴, они накинули ему на голову полиэтиленовый пакет, который угрожали затянуть так, что он задохнется. Этим они и развлекались – затягивали пакет чуть ли не до предела, когда молодому человеку казалось, что он вот-вот испустит дух, а потом ослабляли узел. А потом вновь затягивали и вновь ослабляли.

Слыша крики птиц и шум прибоя, он заключил, что находится где-то у моря, а из того, что он все же сумел разглядеть, ему стало понятно, что лежит он на деревянном полу возле громоздящейся у стены поленницы и низкого столика, на котором стоит кофейник. На земле рядом с ним валялся гвоздодер. Где-то в глубине помещения отсвечивало мутными бликами треснувшее окно. У поленницы стояла сенокосилка, а с другой стороны на нее опирался механический кусторез. Еще там валялись две лопаты и кирка, которой они и обещали проломить ему череп.

Они оставили его лежать в луже крови. До этого один из них разбежался и нанес молодому человеку настолько мощный удар ногой в грудную клетку, что опрокинул его на землю вместе со стулом. Падая, тот так сильно стукнулся головой об пол, что чуть не лишился чувств. Потом до него долетели обрывки их спора насчет того, как им лучше с ним поступить. В конце концов они все же уехали – молодой человек слышал, как хлопнули дверцы и ожил мотор, шум кото-

¹⁴ Хабнарфьордюр – портовый город на юго-западном побережье Исландии, в 10 км к югу от Рейкьявика.

рого становился все слабее по мере того, как машина удалялась. Потом он окончательно стих, оставив после себя лишь крики птиц.

Между тем молодой человек, несмотря на свое бедственное положение, провалился в сон.

Когда он очнулся, дневной свет, который проникал внутрь через окно, уже успел раствориться в черной мгле, и кругом не было видно ни зги. Все его тело ныло от боли, а скотч, которым его примотали к стулу, не позволял совершить ни малейшего движения. Стоило ему шелохнуться, как он почувствовал жгучую резь в груди – наверняка у него были сломаны ребра. Буквально горели от адской боли и его перебитые пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.